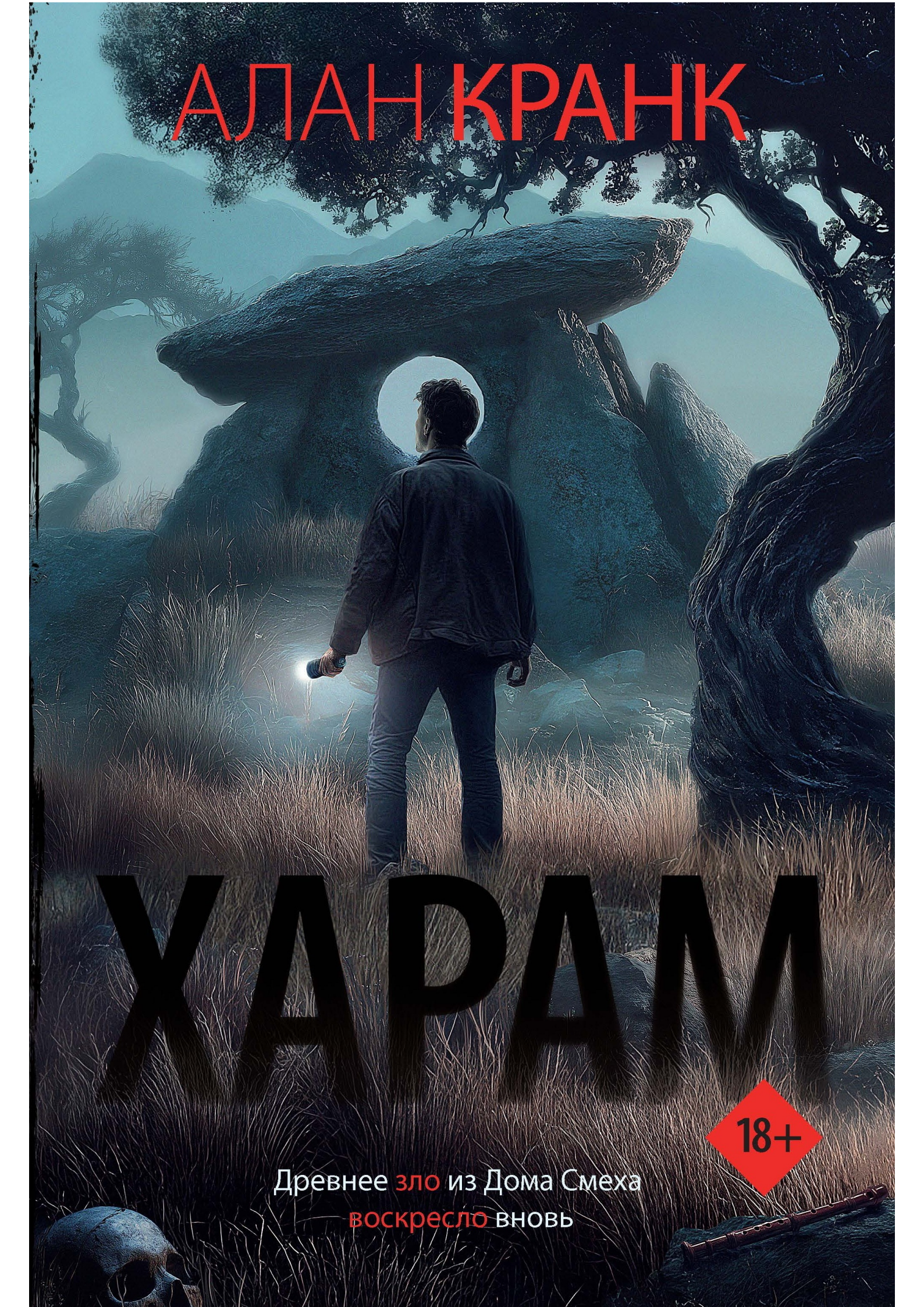

АЛАН КРАНК

ХАРАМ

Древнее **зло** из Дома Смеха
воскресло ВНОВЬ

18+

Алан Кранк

Харам

«Крафтовая литература»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411

Кранк А.

Харам / А. Кранк — «Крафтовая литература», 2025

ISBN 978-5-6053025-2-0

Андрей пытается начать все с чистого листа. Оставить в прошлом долги, коллекторов и бывшую жену. Арендовать ферму в предгорье Северного Кавказа. Сеять пшеницу. В новую жизнь из прошлого он хочет забрать только сына. Но скоро на чистом листе проступают красные пятна. Аул Мамырский почти мертв. В соседнем поселке про ферму, на которой поселился Андрей, предпочитают молчать. А в округе пропадают люди. Без шума. И без следа. Никто не видит призраков, что собираются ночью на дамбе у потухшего костра. Никто не слышит детских голосов, поющих над рекой. Никто не знает, что древнее зло из Дома Смеха воскресло вновь.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411

ISBN 978-5-6053025-2-0

© Кранк А., 2025

© Крафтовая литература, 2025

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Часть вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алан Кранк

Харам

© Алан Кранк, 2025

© Издательство «Крафтовая литература», 2025

Пролог

Ранним утром Ибрагим поднимался вверх по западному склону Крикливой горы. К ногам липла грязь, смешивалась с опавшей листвой и отваливалась крупными комьями, в сумерках он не видел этого, но чувствовал, как сапоги меняли свой вес. При каждом шаге в левом кармане тихо позвякивали, ударяясь друг о друга, складной нож и длинный, скользкий от масла гвоздь. Ветер шевелил волосы и бороду, от полипропиленового мешка за спиной пахло жмыхом, теплая ноша грела спину.

Спят ли родители мальчика или проклинают себя за то, что послали его в ларек за хлебом? Где они вообще живут? Дом или квартира? Кем работают? Есть ли у них еще дети? Наверное, все же спят. Три недели достаточно для того, чтобы устать от горя. Спят и во сне думают о том, как вернуть сына.

После смерти дочери сам он спать так и не научился. «Валяюсь и жмурюсь в тряпках», – как сказал какой-то клоун по радио. Хорошо сказано, Ибрагим не рассмеялся, но запомнил. Далеко за спиной, в ауле, залаяла собака. Ибрагим прибавил шаг. Скоро проснутся и люди.

Обычно валяться в тряпках он прекращал в начале седьмого, но сегодня встал в четыре. Умылся, надел старую грязную одежду, в которой работал в поле. Жена ждала в дверях. Он никогда не рассказывал ей, что и как, говорил только, что делает все возможное, что, если будет на то воля Аллаха, все получится. Она молча поправила завернувшийся воротник его куртки и, пропуская, отошла от двери.

Каждый раз, поворачивая влево от кладбища древних, он старался идти немного иначе, чем накануне, чтобы не протоптать тропинку к Дому Смеха, ее обязательно заметил бы кто-то из детей. Взрослые не ходят по эту сторону реки, а дети – да, и многие из них ужасно болтливы. Покойная дочка тоже всегда рассказывала ему свои самые страшные тайны.

В темноте сбоку что-то зашуршало. Он остановился и повернулся. Ничего не видно. Прислушался и вдруг как будто услышал детский всхлип. Но не из темноты, а из мешка.

Опять? Хорошо. Я готов. Клянусь памятью Азиды.

Он поставил мешок на землю и подождал. Ничего. Только ветер. Но всхлип он слышал так же отчетливо, как лай собаки в ауле. Дом Смеха стал ближе и сильнее.

Очень скоро ты будешь слышать эти звуки и дома по ночам, когда жмуришься в тряпках.

Он вспомнил предыдущего ребенка, то был единственный раз, когда ему посчастливилось добыть девочку. Было лето, на горизонте ширилась светлая полоса, и что-то похожее происходило у него в душе. Он был уверен, что все получится. Вообще не было никаких сомнений. А через час, когда все провалилось, бодрость превратилась в безумное веселье. От хохота он катался по земле и думал, что в аду никто не плачет. Все смеются. Смеются душащим, выворачивающим наизнанку смехом.

Детские всхлипывания, иногда переходящие в тихий, почти беззвучный плач, сопровождали его весь остаток пути, особенно громко и неожиданно, когда он спускался с утеса на каменный уступ.

Чтоб ты сдох, сволочь. Сорвался и разбился о камни.

Уступ, на котором стоял Дом Смеха, был размером с загон для овец. Несмотря на крутой склон, огромные валуны и многочисленные деревья, растущие и поваленные, в каком-то смысле это место и было загоном. Слева была отвесная скала, со всех остальных сторон – пропасть, добраться сюда было сложно, выбраться – так, чтобы навсегда и вообще больше сюда никогда не возвращаться, – невозможно.

Каменистую землю, как волосы лысину старика, слегка прикрывала низкая чахлая трава. Рядом со скалой трава была заметно гуще и выше. Впервые оказавшись здесь, он сразу заметил разницу. Заметил он и холмики, которые густая трава покрывала.

Здесь всегда было чисто. Ветер и дождь убирались на совесть: только целлофановый пакет из-под ужина самого первого мальчика тихо шелестел в ветвях, все остальное было сброшено вниз и унесено рекой.

Дом Смеха был похож на огромный заброшенный колодец, накрытый каменной плитой, но на самом деле ни источником воды, ни ее хранилищем он никогда не был. Вода – источник жизни, а здесь, на широком каменном уступе, царила смерть. Даже та дождевая вода, что попадала внутрь через широкую дыру в крышке, быстро проваливалась сквозь дно из мелкого камня, постепенно увлекая за собой остатки пищи и нечистоты.

По обе стороны от колодца стояли две ржавые железные опоры из толстой трубы с отверстиями вверху. Аксакалы говорили, что полвека назад лесник из заповедника приладил сюда вороток. Дела у него после этого резко пошли в гору, люди из столичных министерств к нему на охоту толпой повалили. Лесник дом большой построил, дачу в Кисловодске, любовниц завел, а еще через два года его нашли в реке под Зеленокумском, привязанным к этому самому воротку. Сейчас вместо воротка к трубе крепилась веревка. Рядом с другой трубой стояла заготовленная вчера на всякий случай лопата.

Ибрагим развязал мешок и вывалил на землю маленького, как будто игрушечного, ягненка. Чтобы было легче идти, он выбирал ягненка помоложе. У того было перерезано горло и закрыты глаза. В остекленевшем взгляде мертвых Ибрагиму всегда мерещился какой-то укор.

Оценив расстояние до колодца, он отодвинул ягненка еще на два шага, стал перед ним на колени и одним длинным, размашистым движением рассек живот. Из разреза вылезли кишки, и в воздухе появился теплый запах внутренностей.

Ибрагим забрался на крышку колодца, лег у края дыры и свесился вниз. В колодце было темно.

– Эй!

Он не знал, как звали мальчика, и не хотел этого знать. Если все пройдет нормально, его будут звать Айзек или Азат, или как-то еще, но в имени обязательно будут «а» и «з». Глаза медленно привыкали к темноте, до тошноты воняло дерьмом и мочой. Мальчик не отзывался.

– Эй, – снова позвал Ибрагим, нужно было торопиться, чтобы успеть до рассвета. – Ты где? Зачем молчишь?

На дне проступали очертания синего пластикового ведра с оторванной ручкой и грязные цветные пятна мягких игрушек.

– Ваш ребенок будет в восторге, – пообещала продавщица после того, как он бросил последнего розового зайца в огромный синий пакет с надписью «Детский мир».

На нем тогда была полицейская форма, которая воздействовала на женщин почти так же, как на детей.

– Я хочу есть, – вдруг ответил голос из темноты так близко, что Ибрагим рывком отпрянул и привстал на локтях.

Мальчик висел пауком, вцепившись в камни, под самым потолком. Одежда Азиды, которую Ибрагим заставил его надеть, была сильно мала, рукава куртки едва доходили до локтей, а розовая шапка с помпоном обтягивала голову, как шапочка для плавания. Из кармана куртки свешивался некогда черный, а теперь полинявший от многочисленных стирок, серый кот. Мальчик стал похож на клоуна. Не доброго и не смешного.

– Я хочу есть, – повторил ребенок.

Огромные, расширенные многодневной темнотой, зрачки смотрели в лицо Ибрагиму.

Ибрагим посмотрел на игрушечного кота, потом снова в глаза мальчику. Кот Феликс был любимой игрушкой Азиды.

– Хорошо. Я дам тебе поесть. Но сначала спустись обратно вниз.

Первые три дня мальчик хныкал и просил отпустить. Потом рыдал и твердил, что ему очень страшно, снова умолял отпустить и обещал, что никому ничего не расскажет. Еще неделю молчал, а в последнее время каждый раз требовал еды. Когда мальчик очутился на дне, Ибрагим привязал к свободному концу веревки мешок, в котором нес ягненка, и бросил в колодец.

– Собери вещи.

За два подъема он вытащил все, что раньше побросал вниз: пакеты, пластиковые бутылки, игрушки и одежду. Одежду и игрушки отложил в сторону, чтобы забрать домой, а все остальное барахло сбросил с обрыва в реку. Когда свободный конец веревки снова оказался на дне колодца, он приказал мальчику привязать себя.

– Два раза обвяжи себя вокруг пояса. Затягивай крепче, а то разобьешься.

За время, проведенное в колодце, мальчик стал глупым и медлительным. Так случилось с каждым из них.

– Затяни потуже.

В самый первый раз он опускал вниз лестницу – ствол дерева с прибитыми к нему ступеньками – и чуть не поплатился жизнью за свою глупость. Накрепко привязанная на поясе веревка берегла не только пленника.

– Готово?

После «да» мальчик сказал что-то еще, очень похожее на «папа».

Тащить было не тяжело, килограммов тридцать веса – не больше. Когда тонкие белые пальцы с грязными обломанными ногтями вцепились в край дыры, Ибрагим бросил веревку, отошел в сторону на безопасное расстояние и нащупал в кармане нож. Из дыры высунулась голова в шапке. Глаза прищурились. Бледное от долгого пребывания в темноте лицо сморщилось и застыло, как перед плачем или взрывом хохота. Дебютный номер клоуна из подземного цирка.

Выбравшись, мальчик мог упасть на колени и расплакаться, попытаться освободиться от веревки и бежать, просто замереть, ожидая своей участи. Ибрагим простил бы ему даже попытку нападения. Вместо этого ребенок задрал голову, нюхая воздух, и медленно, как будто против собственной воли, повернулся в сторону распотрошенного ягненка. Шея вытянулась. Кладули зубы. Не поднимаясь на ноги, на четвереньках мальчик медленно пополз вперед.

– Почему ты просто не отпустил ее? – спросила Фатима, когда в прошлый раз он вернулся и сказал, что снова ничего не вышло.

Она не видела этих улыбающихся ртов, перемазанных дерьмом из кишок и кровью. Тварь урчала и дрожала от возбуждения. Кажется, она подозревала, а может быть даже точно знала о намерениях Ибрагима, но кровь лишала ее воли. Ибрагим сделал два шага, прижал коленом существо к земле и схватил за волосы. Кем бы тварь ни была, она не придавала дополнительных сил ребенку. Ибрагим потянул за волосы на себя и полоснул ножом по горлу, как утром в сарае, когда резал ягненка.

В нескольких километрах от Дома Смеха, в темной комнате вдруг проснулась и села в кровати женщина. Во сне она слышала крик пропавшего несколько недель назад сына. Гулко, как будто глубоко под водой, билось сердце, рядом, на другой половине кровати, громко храпел пьяный муж. Женщина посмотрела в окно. На горизонте светлело небо.

Когда предсмертные конвульсии закончились, Ибрагим закрыл мальчику глаза и поднял с земли выпавшего из кармана куртки кота Феликса.

– Брат мой, так у нас с тобой ничего не получится, – грустно сказал кот. – Ты каждый раз останавливаешься в двух шагах от цели. Зачем? Из-за какого-то пустяка. Но я тебе сразу говорил, что точь-в-точь не будет.

Ибрагим задумался, вспоминая, что сказал кот, когда заговорил с ним впервые. Это было через неделю после смерти дочери и на следующий день после того, как он сам в первый раз спустился в Дом Смеха. Вечером в ее комнате. Кажется, тогда кот тоже упрекал его в нерешительности.

– Это не пустяк. Азида была доброй и ласковой. Ты сам это знаешь, тебя она тоже любила. А эти твари, которых ты мне подсовываешь, рвут зубами мясо на части.

Вышитый красной ниткой рот чуть заметно изогнулся.

– Ну, прямо так сразу и твари. Парень просто слегка проголодался, а тут ты со свеженьким. Мне кажется, ты придираешься, Ибрагим. Ты сам не знаешь, что тебе нужно.

Ибрагим швырнул кота на землю.

– Проголодался?! Я носил ему кушать три раза в день, не мог он проголодаться! И ты, мерзкая тварь, знаешь, что он – это не она! Это даже не тот мальчик, которого я привел сюда!

Кричать было глупо, его могли услышать. Скоро он взял себя в руки, или, во всяком случае, стал говорить тише. Работа успокаивала. Углубиться получилось меньше, чем на штык, и ему пришлось срезать землю у тропинки, а потом носить ее мешком. Прежде чем столкнуть тело в могилу, он достал из кармана гвоздь и с силой засунул его в ухо мертвому, чтобы никогда больше с ним не встречаться. Ягненка он похоронил с мальчиком в одной могиле.

Часть первая

Вдали от дома

Навигатор показывал тысячу девятьсот сорок шесть километров пройденного пути, когда Андрей свернул с трассы на разбитый проселок. На выбоине звякнули пивные бутылки, он потянулся свободной рукой и поправил раскрывшийся пакет. В одиннадцать ночи, когда он вернется обратно в Кисловодск, алкоголь уже не купишь.

«Сказали мне, что эта дорога приведет меня к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор все тянутся передо мной кривые, глухие окольные тропы...»

Высокопарные цитаты частенько всплывали в памяти призраками юношеских лет, и чем дальше, тем больше. Как будто разрыв с женой, безделие и пьянство вдруг повернули время вспять.

Я не свернул. Просто ищу новую точку опоры.

Кондиционер старенького «Авенсиса» плохо справлялся с августовской жарой, и Андрей приоткрыл окно. Тойота – управляй мечтой. Ему досталась мечта мазохиста, зато никто из кредиторов больше не предлагал отдать машину в счет долгов.

Дорога вела в Черкесск. Самый короткий путь из Кисловодска, но далеко не самый удобный. Ямы как после бомбежки и собранный гармошкой асфальт замедляли движение и разрушали нервную систему. Машин было немного. В основном раздолбанная сельская «классика» и грузовики с тюками сена, иногда – одуроченные картой туристы.

Шум ветра заглушил радио, и Андрей сделал погромче. Диктор, подменяя звонкие согласные глухими и через слово вставляя «иншалла», сообщил о возвращении танцевального коллектива «Горец» из всероссийского турне в родной Моздок. Сообщение венчала зубодробительная лезгинка. Андрей несколько раз в такт стукнул ладонью по рулю – так сказать, приобщение к местному колориту.

Танцевать Андрей не умел и по-настоящему танцевал только однажды, девятнадцать лет назад в баре «Моцарт Плаза» в Египте. Это была «Макарена», и на нем не было ничего, кроме носков и трусов. Порыв души оценили все присутствующие за исключением жены.

– Ты не умеешь ни пить, ни танцевать, – проорала Ленка на ухо, перекрикивая музыку, перед тем, как развернулась и ушла в номер.

Скупать семечку и продавать масло, судя по конечному результату, он тоже не умел. Как не умел ездить на тракторе, пахать, сеять, убирать.

Ничего. Всему можно научиться. Нужна только точка опоры.

Северный Кавказ как место для стартапа, несмотря на плодородные почвы и теплый климат, изначально привлекал мало, но предложение из Карачаево-Черкесии по площади земельного участка, удаленности его от города, наличию техники и, главное, размерам арендной платы подходило ему как нельзя лучше.

Справа появился ржавый дорожный знак с черной надписью «Мамырский» на белом фоне. Сразу за ним посередине полосы угрюмо брели две тощие коровы, шлепая себя хвостами по грязным бокам. По обочине шел старик в лохмотьях, в шапке и с палкой в руке. Услышав машину, он обернулся. Безусая седая борода и острый горбатый нос выглядели непривычно. Старик сунул палку под мышку и что-то прокричал. Судя по выражению лица, это вряд ли было «добро пожаловать».

– Да не переживайте вы так, никого я не задавлю, – кивнул в ответ Андрей, объезжая коров.

На съезде влево Андрей притормозил и стал на обочине перед остановкой. На облупленной и исписанной матюками стене (вот уж действительно, великий и могучий) приветом из

прошлого висел телефон-автомат. Впрочем, не такой уж и древний. С кнопками вместо диска и щелью для платежной карты вместо прорези сверху для двухкопеечных монет.

«Два километра за аулом», – сказала Зурида. Эти слова можно было интерпретировать по-разному. Навигатор предлагал проехать сквозь аул и двигаться до пункта назначения вдоль реки, но чутье подсказывало, что далеко по этой дороге не уедешь. Лучше позвонить.

В пути внимание в основном было занято дорогой, и поэтому только теперь, остановившись, Андрей в полной мере ощутил, в какую глушь он забрался. Он выключил радио и опустил до конца стекло.

Гравийный съезд в аул с узкой, едва различимой колеей зарос бурьяном. По мере удаления от асфальта бурьян становился все гуще и выше. В нем тонули престарелые сарайчики и хатки. Многие из них были наполовину разрушены, в других не было стекол, и даже, кажется, совсем недавно построенная большая мечеть с пыльными зелеными куполами, выглядела довольно угрюмо. Людей не было. В небе кружили ласточки. Они ныряли под провисшими проводами, залетали в пустые окна заброшенных домов и вылетали с другой стороны. Все это мало походило на Полькино, где родился и вырос Андрей и образ которого он держал в голове, представляя себе новое место жительства.

Ты ищешь не уютное местечко, а точку опоры, и выглядеть она может, как угодно.

Это верно. Точка опоры. Надежная и крепкая точка опоры. Не чтобы перевернуть мир – эта юношеская мечта давно похоронена под толстым слоем прожитых лет, и ни разрыв с женой, ни безделие с пьянством никогда не смогут воскресить ее. Да и ни к чему. Все, что нужно – это удержаться на ногах.

* * *

Хазрет вел коров и смотрел на солнце. По этой дороге он ходил еще ребенком и помнил ее, когда она была тропой, на которой с трудом могли разъехаться два всадника. Солнце тогда было не таким злым, а коровы не такими упрямыми и непослушными.

Засуха продолжалась третий месяц. Ни дождя, ни даже росы. Река обмелела. От жары к обеду начинала болеть голова и успокаивалась только после захода солнца. Хорошая трава на Бараньей Горке совсем выгорела, осталась только полынь в оврагах, от которой горчило молоко. Саша, водитель с молоковоза, уже дважды говорил, что так не пойдет, и скоро, хочешь не хочешь, придется пасти у реки, рядом с лесом.

«Это все из-за восточного ветра, – сказала бы прежняя Зулейха. – Восточный ветер всегда приносит беду». Он напомнил бы ей про то, что Аллах запрещает верить в приметы, а она бы сказала, что это не примета, потому что так оно и есть. Теперь с ней не поспоришь – как и все остальные, вечером у ореха она говорит только про Хохотуна, и ни о чем больше.

До намаза оставалось чуть больше часа, а нужно было еще напоить коров. В начале лета Гульнара стала бояться реки и пила только колодезную воду.

– Опаздываем, моя хорошая. Давай, шевелись, – Хазрет легонько стукнул Звездочку палкой по спине и сам прибавил шаг.

Если повезет, они окажутся дома раньше, чем во рту появится горьковатый привкус и начнет колоть в правом боку. То ли печень, то ли желчный пузырь – одним словом, старость. Но если вовремя успеть прилечь, через несколько минут все пройдет.

За спиной послышался шум колес. Машина была не местной, Хазрет понял это еще до того, как обернулся. Слишком медленно она двигалась и слишком неуверенно объезжала ямы. Поравнявшись с Гульнарой, машина притормозила, и Хазрет увидел за рулем человека из города, похожего на собаку, которая ищет зарытую кость. Салон машины был завален картонными коробками, одеждой и всякими побрякушками со шнурами, которыми набивают свои дома теперешние люди. В гости с собой столько барахла не берут.

Хазрету было восемь, когда он впервые увидел незнакомца на дороге. Это был всадник в военной форме, а следом за ним ехал отряд. Они перебили много мужчин, в том числе деда по матери, и угнали скот. Десять лет спустя по этой же дороге в аул пришел другой незнакомец – чуть живой нищий. Семья хромого Умара накормила его, но он все равно умер, и в течение двух недель следом за ним отправилась еще половина селения. Брюшной тиф. Горе очень часто приходило в аул по дороге. Больше, чем дорогу, Хазрет ненавидел только лес.

– Салам алей кум, уважаемый, – сказал Хазрет и в приветствии поднял руку с посохом.

Человек что-то ответил и отвернулся. Машина продолжала медленно катиться мимо коров.

– Остановись, пожалуйста, – крикнул Хазрет и тут же устыдился собственного поступка.

То, что должно было звучать, как вежливое требование, прозвучало как унижительная просьба. Он разучился говорить за то время, пока его единственными собеседниками оставались коровы и призраки.

– Ты слышишь меня?! – крикнул он удаляющейся машине вслед. – Стой, шайтан. Туда нельзя. Разворачивайся! Езжай домой!

Машина остановилась на развилке, но, конечно, не для того, чтобы развернуться. В последнее время Хазрета не слышал никто: ни коровы, ни люди, ни Всевышний.

* * *

На тополях Андрей свернул влево, в сторону реки, на разбитую гравийку. Проехал мимо ржавого шлагбаума и остановился на том месте, с которого был сделан заглавный снимок в объявлении о продаже фермы. Одиноким дом из серого ракушечника среди заросшего двора напоминал заброшенную дачу. Атмосферу запустения и разрухи дополняли два сарая с проваленными шиферными крышами. Во дворе инопланетным космическим кораблем стоял сверкающий на солнце ярко-желтый «Опель», из багажника которого торчала упакованная в полиэтилен алюминиевая лестница.

Прежде чем выбраться из машины, Андрей сунул в рот две подушечки «Орбита» и глянул на себя в зеркало заднего вида. Как сказал начальник отдела кадров в «Пятерочке», куда он весной пытался устроиться на работу: «Немного зарос, немного устал и не похмелился». Андрей поправил сбившийся потертый воротник и мысленно послал на фиг «Пятерочку» и ее начальников.

Его ждали. Но вместо входной двери открылась дверца опеля с водительской стороны. Девушке было около тридцати. Припухшее смуглое лицо с тонкими губами выглядело немного расстроенным. Из сумочки на плече торчал корешок папки с надписью «НДФЛ 2018г 2-ой квартал»

– Добрый день. Зурида?

– Да. Здравствуйте. – Девушка слегка оступилась, когда каблук провалился в землю, и указала рукой в сторону крыльца.

Андрей прикрыл рукой глаза от солнца и посмотрел по сторонам. Станным было, что она приехала одна. Кум, брат, сват, седьмая вода на киселе – это же Кавказ, здесь и в туалет по одному не ходят. В попытках отомкнуть дверь она дважды перебрала все, что висело на кольце с кроличьим хвостом, и вымазала край юбки о пыльный порог.

– Давайте я помогу, – предложил Андрей.

– Спасибо, не надо. Я сама.

Пару минут спустя замок сдался. Ручки по обе стороны двери оказались обернуты полиэтиленом. В доме было сухо и пыльно.

– Нет. Не разувайтесь. Я сейчас живу у мамы в ауле и здесь не убираю. Не успела окна к вашему приезду помыть. Зря лестницу прокатала.

Размерами и легким сумраком коридор напоминал прихожую в съемной хрущевке, где Андрей жил с Леной, когда работал учителем. Деревянный пол, высокий потолок, синие обои с мелким рисунком, выключатель в середине грязного пятна. Хозяйка повела его вглубь дома, за ней на пыльном полу оставались кинематографично четкие следы.

В гостиной стало намного светлее. Под узкими зарешеченными окнами не было батарей, вместо них вдоль стен шли две толстые серо-голубые трубы с грубыми сварными швами на стыках. Сквозняк из открытой форточки медленно шевелил тяжелые занавески кричаще-желтого цвета. Пахло сеном.

– Вот, пожалуйста, – Зурида обвела рукой комнату, – все удобства: туалет, душ, свет, вода. Газа нет, уголь и дрова, так даже дешевле выходит. Мебель не новая, но в хорошем состоянии.

Протертые до поролона углы кресел, засаленные подлокотники на диване и провисшие дверцы шкафа плохо вписывались в представления о хорошем состоянии, но, не желая стеснять девушку, Андрей промолчал.

– Телефон, стиральная машина, печка – все работает.

– Интернет? – спросил Андрей.

Она ответила неопределенным жестом и кивнула на кондиционер.

– Вчера не смогла найти пульт, но он точно работает. Если останетесь, я расскажу, где на рынке можно купить новый.

На DVD-плеере под телевизором лежал диск с мультфильмом «Маша и Медведь». На вопросы про детей Зурида отвечала рассеянно и неохотно, как в письмах на вопросы о муже.

В спальне на покоробленной от влаги тумбочке лежали бусы из черных сушеных ягод – такие каждую осень делали дети в школе на уроках труда. Рядом с бусами лежал раскрытый учебник «Инфекционные болезни» обложкой вверх и источник травяного запаха, наполнявшего дом – букетик из полевых цветов и трав, вырванных с корнем и сплетенных сложной косичкой.

– Это ловец сна, – объяснила Зурида, – как у американских индейцев, только сделано по-другому. Очень хорошо от бессонницы помогает.

Борьбу с бессонницей следовало бы начать с перемещения кровати, несуразно развернутой изголовьем к входу. Рядом с кроватью на линолеуме виднелись следы от ножек. Из стены торчала макушка гвоздя, на котором раньше что-то висело: то ли картина, то ли часы, то ли фотография.

«Сто к одному, что фотография», – уточнил про себя Андрей.

Напротив двери в спальню находился выход на веранду к котлу.

Ванная оказалась неожиданно просторной. Мусорного ведра не было, а необыкновенно длинный шланг душа доставал до унитаза. *Салам алей кум, дорогой.* По стенке унитаза поверх ржавых разводов тонкой струйкой бежала вода. Андрей покрутил барабан стиралки (за минувший год он перестирал больше, чем за предыдущие тридцать пять), открыл и закрыл краны. Как и дверные ручки, краны оказались обмотаны полиэтиленом. Зурида сказала, что они планировали ремонт, и неуклюже ушла от ответа на вопрос, что нарушило их планы.

Количеством углов и выступов кухня напоминала шестерню внутреннего зацепления. В центре стоял крепкий исцарапанный ножом стол, вокруг него три стула. В одной из ниш прятался холодильник с магнитиком «Синий глаз» на дверце, в другой детское кресло для питания, еще четыре ниши выполняли функции пылесборников.

– Здесь, в коробе, трубы отопления проходят, а здесь при прежних хозяевах тандыр был, – Зурида показала на широкую тумбу, подпирающую потолок. – До пожара.

– Пожара?

Он с трудом удержался от того, чтобы не добавить «да ладно» и не кивнуть на газовый баллон, стоящий у плиты. Как говорил Шилов: «А в реальной действительности, история никого и ничему не учит».

– Да. Хозяева сторели, к несчастью. Но сейчас все хорошо. Дом теплый, крепкий. Только краны починить надо и пульт от кондиционера найти.

Кран на кухне действительно тек.

Последним пунктом обзорной экскурсии была самая маленькая запертая комната.

– Как в сказке про Синюю Бороду.

– Какую бороду? – переспросила Зурида. – А, нет. Там ничего такого страшного или секретного. Только мои вещи. Я вам сейчас покажу.

– Да не надо. Я пошутил.

Она пропустила его возражения мимо ушей и, на этот раз быстро подобрав нужный ключ, распахнула дверь.

Горный олень с настенного ковра грустно взирал на пустой детский манеж, кроватку и поломанный пластиковый грузовичок. Задернутые занавески и увядающее алоэ на подоконнике ярко подчеркивали общую тональность интерьера.

– Видите? – спросила Зурида, вместе с оленем оглядывая комнату. – Ничего такого. Никаких мертвых жен.

Андрей кивнул, хотя мог бы и возразить. Да, мертвецов здесь действительно не было, но тайна была. Эта комната лучше других хранила память о прежней жизни, и, кажется, в первую очередь именно поэтому была заперта.

– Вот, собственно, и все. – Зурида выдохнула. Роль гида явно давалась ей с трудом. – Отопление на дровах. Котел в предбаннике за домом, я вам его потом покажу. Вода своя. По электричеству квитанции, как вы понимаете, не приходят. Сбрасываем СМС-кой показания каждый месяц, а два раза в год приезжает контролер. Если есть вопросы – спрашивайте, а если нет – можем пойти смотреть землю и технику.

Вопросы были, но не по дому, а по хозяйке. Много вопросов, которые неделю назад он пообещал не задавать.

«С ним случилась беда», – ответила Зурида в предпоследнем письме на вопрос о муже. – «Пожалуйста, не спрашивайте где, как и что, у нас не принято обсуждать такие вещи. Ферму покажу – приезжайте, смотрите. Понравится – вселяйтесь и работайте. Все бумаги в порядке».

Умение распознавать второсортных жуликов было необходимым условием успешного ведения дел в той сфере, где Андрей проработал больше десяти лет, хотя, как показало время, и недостаточным. Второсортным жуликом Зурида не была, а для первосортного – двести тысяч арендной платы, да еще и в рассрочку, – слишком мелкий куш. И тем не менее, Андрей был почти уверен, что в этом доме Зурида никогда не жила.

* * *

Доить коров Хазрет старался до захода солнца. Желтый свет лампочки злил Гульнару, и, несмотря на спутанные ноги, она дважды опрокидывала ведро с молоком. Прежде чем отправиться в сарай, несколько часов Хазрет провел на лавке под орехом. Дереву было почти полвека, его никто не сажал, никто за ним не ухаживал, но оно выросло именно там, где нужно – плотная тень кроны падала на бревна, на которых садились во время схода. Позже Хазрет поставил здесь лавку и стол.

– Ну, хватит, пожалуйста, стой спокойно. – Он похлопал Звездочку по крупу и подставил низкую скамейку.

Скамейку он сделал после смерти жены, вышло криво, хотя и крепко. Перед лицом вились мухи. Хазрет обмакнул тряпку в ведро. Вода целый день грелась на солнце и была теплой, но Звездочка все равно вздрогнула, как только он коснулся тряпкой вымени.

– Я же тебя попросил.

Он всегда разговаривал с коровами, когда доил их. А раньше, прежде чем прочитать молитву и зарезать барана, пару слов всегда говорил от себя. Струя молока звонко ударила в стенку ведра.

– Ты тоже слышала, как он хлопнул калиткой, да? – спросил Хазрет, имея ввиду Мурадина.

Со Звездочкой ему больше нравилось говорить, чем с Гульнарой. Иногда она даже переставала жевать и поворачивалась к нему, словно заинтересовавшись.

– А я из окна видел, куда он поехал. К реке. И Гаджи с ним. Конечно, я понимаю, на что это похоже, но этого никак не может быть. А в прошлый раз, вспомни, когда Хохотун проснулся, кто привез бензин?

Корова молча продолжала жевать сено и косилась на хозяина большим коричневым глазом. Глупое животное.

Который день под орехом Хазрет ждал кого-нибудь, с кем можно поговорить. Кого-нибудь постарше, чем девятилетний внук, с которым он созванивался вечерами, и поближе, чем Саша – водитель бочки, которому Хазрет сдавал молоко. Но никто не приходил: ни живые, ни мертвые.

* * *

Практика обнуления имела глубокие исторические корни. Впервые Андрей целенаправленно напился после того, как за один день написал планы уроков на первое полугодие. Смысл был в том, чтобы антисептическим раствором вымыть из головы все ненужное и начать думать с чистого листа. Выпитого за ужином «Арсенального», которое он целый день катал на заднем сиденье, для обнуления было заведомо недостаточно, и прокисшие мысли мешали спать.

Андрей лежал в темноте и смотрел на мерцающий красный маячок противопожарной сигнализации. Монотонно шумел кондиционер. Физически он находился в гостиничном номере, но мысленно снова стоял на развилке. «Сказали мне, что эта дорога приведет к Океану Смерти...»

Глупость. Любая дорога ведет к смерти.

Может и так, но воображение упрямо рисовало змейку, ведущую в Мамырский. Он снова видел перед собой сложенный из ракушечника мрачный дом, пустынный двор, огороженный зарытыми в землю автомобильными покрышками со следами побелки, перевернутый детский стульчик в зарослях амброзии и пустую собачью будку. Снова слышал голос Зуриды, которая, как паромщик на Стиксе, привела его сюда – на дно пересохшего океана.

Еще одна глупость. Ты приехал сюда, чтобы начать жить, а на роль Океана Смерти больше подходит долговое болото, в котором ты тонул.

Андрей встал и включил свет. Круглые часы на стене показывали три часа ночи. Пять часов до подъема. Или можно написать СМС-ку прямо сейчас. Извините, ничего не получится. И дело не только в ферме, намерение заняться земледелием с самого начала страдало недостатком твердости. Идея казалась то единственно возможным способом подняться на ноги, то пустой фантазией, уходящей корнями (еще более длинными, чем практика обнуления) в книги Джека Лондона и Стивенсона.

Но и ферма тоже, надо признать, не подарок.

Бурьян. Суглинок вместо чернозема. Сеялка, культиваторы и плуг – ржавый металлолом. На тракторе нет двери, а под ним масляное пятно размером с Каспийское море. Но главное –

хозяйка. Да, возможно, по какой-то причине она не жила с мужем на ферме. Да, может быть, ей действительно неприятно ворошить в памяти прошлое и тем более с кем-то делиться им. Но... Что, если за месяцы безделья и пьянства ты просто утратил способность видеть второсортных жуликов? А вместе с ним и вообще деловую хватку в любых ее проявлениях. И бесконечная череда поражений в судах – и против должников, и против кредиторов – яркое тому доказательство.

С тех пор все тянутся передо мной кривые, глухие окольные тропы...

Нужно было продолжать учительствовать, и ферма здесь ни при чем. Ошибка вышла много лет назад, еще на старте. Андрей взял с тумбочки пустую бутылку и заглянул в нее. На доньшке оставался маленький глоток пива, которого не хватило даже на то, чтобы смочить рот. Рядом с «Правилами проживания в гостиничном номере» лежал помятый, сложенный вчетверо листок в клетку, который он вырвал из Сашкиной тетради по алгебре полгода назад и с тех пор всюду таскал с собой. «План возвращения к жизни». Доходы и расходы по пунктам. Цены из объявлений на «Зерно онлайн», нормы расхода и урожайность – из электронного учебника по агрономии. За год он мог бы заработать втрое больше, чем начальник отдела кадров в «Пятерочке», и никаких исполнительных листов.

По работе он много общался с колхозниками, да и сам был из деревни. Отец работал механиком на бригаде, мать медсестрой в фельдшерском пункте. И дед с бабкой, и прадед с прабабкой были того же поля сухофрукты. Картоха, куры, свиньи – все это Андрей уже проходил, и вот снова собрался вернуться к тому, от чего когда-то сбежал.

А если нет?

Андрей поставил бутылку и взял листок в руки. Что тогда? Подтереть им задницу на радость ночной продавщице из «Любимого»? Для своих в «Любимом» отдел алкоголя работает круглосуточно. Четыре пива в стекле. Всегда только в стекле. Как будто это приподнимает его над теми, кто бухает, что и где попало.

Обрадуются и Смолов с Кочетковым. Теперь они уже не побрезгуют и «Авенсисом». И, конечно, Ленка будет в восторге. Каждый его провал, каждый миллиметр его падения – дополнительный аргумент в пользу ее предательства (какое все-таки наивное и детское слово).

– Пьяный клоун вернулся, – с радостью сообщит она своему хахалю.

Григорий Александрович Авдеев. Декан, доктор наук и член-корреспондент РАН («член корреспондента» в редакции Андрея в разговорах с соседом), а также председатель ученого совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Полтора центнера говна в четвертом браке. Он тоже будет доволен. Недоволен будет только Сашка, ему Андрей пообещал самый крутой смартфон с нового урожая. Но дело не в смартфоне. Подарок должен был стать знаком ренессанса. А вместо этого – ну, извини, сынок.

И кто ты после этого? Не пытайся делать вид, что это не окончательный крах. Что берешь паузу. Какая к чертям собачьим может быть пауза? Через год у тебя не будет ни денег, ни сил. И, кстати, а что с квартирой? Давай так. Если с документами все в порядке – ты выбрасываешь из головы подозрения – не потому, что они беспочвенны, а потому что они бесполезны – отдаешь, как и договаривались, половину годовой арендной платы и приступаешь к работе. Если всплывают проблемы с документами, ты спокойно прощаешься с прекрасной Шахерезадой и едешь обратно в Саратов листать странички в соцсетях, испытывать на прочность печень и терпение приставов-исполнителей.

* * *

Она вернулась домой в начале одиннадцатого. Долго искала свободное место и, в конце концов, приткнула машину в чужом дворе. Неоновая реклама пиццерии, лифт, лестничная площадка – все вдруг показалось ей таким же родным, как диван, кровать и телевизор. В квар-

тире было душно. Она не ела целый день и есть не хотела. Поставила чайник, включила кондиционер и упала на диван.

Сколько еще может продолжаться этот кошмар? Я больше не могу.

Она не пошла на работу, сославшись на сдачу отчета, и не сдала отчет. Не ответила Сергею на голосовое сообщение и отменила стоматолога, к которому записалась две недели назад. Почти не спала прошлую ночь и вряд ли будет спать эту. Прошу тебя, Всевышний, пусть все закончится. Вдруг зазвонил телефон.

Нет, Аллах не услышал ее слов. Их услышал кое-кто другой.

– Что ты ему сказала?

Голос изменился, и это тоже было по-своему ужасно.

– Ничего, кроме того, о чем ты просила.

– Не ври! Я все видела. У двери ты что-то сказала ему на ухо, и он стал таращиться вокруг.

– Я ничего ему не говорила. Сама подумай. Если бы он узнал, зачем бы он тогда согласился?

– Ладно. Посмотрим. Ты привезла лестницу?

– Да, и оставила ее тем, где ты сказала.

– Он приезжает завтра?

– Не знаю. Завтра мы встречаемся с ним у нотариуса.

– У нотариуса?

– Да. Он хочет заверить договор аренды.

– А деньги?

– Деньги тоже завтра.

– Хорошо. Отлично. Но я все равно тебе не верю. Завтра я поеду с тобой. На сколько вы договорились?

– Он позвонит в первой половине дня и скажет куда подъехать.

– Тогда утром жду тебя у калитки. В семь. И не опаздывай. Ровно в семь.

Связь оборвалась. Она положила телефон на пол, зарылась лицом в подушку и разрыдалась.

* * *

После оформления и расчета Андрей еще долго стоял на порожках торгового центра рядом с банкоматом, в который только что загрузил половину наличных. На противоположной стороне улицы два заросших парня в джинсе играли что-то очень знакомое. Один на барабанах, другой с флейтой. В руках у Андрея была связка ключей с кроличьим хвостом.

У нотариуса случилось что-то непонятное, после чего уровень замутненности всей этой истории с арендой, очевидно, превысил пороговое значение. **НО С ДОКУМЕНТАМИ ВСЕ БЫЛО В ПОРЯДКЕ.** Возможно, и очень даже может быть, следовало отказаться. Просто выйти из кабинета, никому ничего не объясняя, и вернуться в гостиницу. А он сделал все наоборот. *(Что? Пообещал себе? Не смеши).* Андрей чувствовал себя, как после оплаты самой крупной в его жизни партии масла, которую так и не получил.

Кабинет нотариуса сильно напоминал «маленький офис», так Андрей называл свою конторку в Саратове, такая же двухкомнатная квартира в многоэтажке, с прорубленным на улицу входом. Когда он вошел, Зурида была уже внутри. С ней пришла мать. Завернутая в черный хиджаб, как в саван, старуха ни слова не понимала по-русски и ни на секунду не выпускала локоть дочери. На руках у нее были кожаные перчатки (тоже черные), а на шее болталось детское ожерелье из черных ягод, которое вчера лежало в доме на тумбочке.

– У нас талон на два часа к кардиологу, – объяснила Зурида, – взяла ее с собой, чтобы взад-вперед не ездить.

Андрей кивнул. По поводу бус и перчаток стоило показаться психиатру и еще неплохо было бы проверить печень – глядящие сквозь узкую брешь в ткани глаза были нездорового желтого оттенка.

Нотариус Кислова С.М. (он потратил полчаса на поиски русской фамилии, но фамилия Сарият Мухтаровне досталась от мужа) подтвердила право Зуриды распоряжаться фермой по собственному усмотрению и отметила оригинальный внешний вид старушки продолжительным взглядом.

Непонятное началось сразу после того, как секретарь забрала паспорта и ушла в соседнюю комнату готовить договор. В кабинете было тихо. Хозяйка кабинета заполняла журнал, Зурида шептала что-то на ухо склонившей голову матери. За окном едва слышно чирикали воробьи и шумели машины. По тротуару шагал мальчишка возраста Саши с сигаретой во рту.

– А это не вашу ферму показывали по телевизору в том году?

Вопрос прозвучал как бы между прочим, и в то же время было ясно, что он давно крутился у Кисловой на языке. Зурида оборвалась на полуслове. Ее лицо вспыхнуло неоновой надписью «ДА». Воробьи на улице как будто примолкли, а машины остановились.

«Да. Но давайте каждый будет заниматься своим делом и не будет лезть в чужие», – это тоже было написано на лице Зуриды, но мелким шрифтом, как сноски в кредитных договорах. Кислова в ответ едко улыбнулась, и это, скорее всего, была ее последняя улыбка за сегодняшний день.

Старуха, до этого, как будто задремавшая под шепот дочери, подняла голову. Желтоватые глаза, на которые Андрей уже обратил внимание при знакомстве, вдруг заблестели хищным блеском. *С психиатра и начать*, успел подумать Андрей, прежде чем она заговорила. Нижнюю половину лица скрывал хиджаб и ее речь, грубая и непонятная, была похожа на закадровый комментарий.

Кислова чуть подалась вперед и неподвижно уставилась в глаза старухе. Едкая улыбка медленно поползла вниз. Сначала казалось, что ответ старухи заставил ее задуматься о произошедшем, и, проникшись ситуацией, нотариус испытала неловкость за собственное любопытство. Потом Андрей заподозрил неожиданный приступ меланхолии. Но уголки губ минуя нейтральное горизонтальное положение продолжили движение вниз. Старуха продолжала говорить, а Кислова – молча слушать. Молча и как будто все более отстраненно. Это был какой-то провал в сознании. Так принимают известие о смерти кого-то из близких или грядущей собственной.

Кислова не вызывала в Андрее больших симпатий. Не так давно юристы уничтожили его бизнес, а сейчас работали над семьей, но когда началось необъяснимое и непонятное, ему всерьез стало за нее страшно.

Рот выгнулся подковой и приоткрылся. На смену беззащитному выражению лица пришло по-животному глупое. Глаза остекленели и как будто даже немного высохли на солнце. Старуха продолжала говорить, а Андрею стало казаться, что никакой истории нет, и что старуха в пятый раз повторяет одно и то же.

Так продолжалось чуть больше минуты – огромное время по меркам необъяснимого. Сеанс гипноза, заклятие или боевое НЛП? Черт его знает. Все вдруг закончилась, когда Кислова выронила ручку, которую все это время держала в руке, и та, прокатившись по столу, упала на пол.

– Что? – Кислова вдруг вздрогнула и проснулась.

Старуха замолчала. Кислова пробежала взглядом по всем присутствующим, чуть задержавшись на старухе. Быстрым движением ощупала серьги и цепочки, потом посмотрела на кольца. Морщины на лбу слегка разгладились.

– Я думаю, документы уже готовы.

Она резко поднялась из-за стола и быстрым шагом вышла из кабинета.

За спиной съезжались и разъезжались стеклянные двери торгового центра. Мимо проходили люди. Шумели машины. Музыканты на противоположной стороне улицы закончили представления и складывали инструмент. Кроличья шерсть неприятно липла к потной ладони.

Да, хрен его знает, что там произошло на самом деле. Может старуха вообще ни при чем. Может тетка просто глубоко задумалась, а может какой-нибудь микроинсульт. Может...

Да, может. Светофор на перекрестке моргал красным, как маячок пожарной сигнализации. *Сказали мне... и свернул я.* Торговый центр располагался на углу или если по-другому – на развилке, но ночного смятения не было. Больше думать не о чем. Билет оплачен. Услуга оказана. Паромщик забрал с глазниц, причитающиеся монеты, и теперь можно осмотреться вокруг. На самом деле здесь не так и плохо.

Что за хрень?

Все очень просто. Хроническая бессонница плюс нервное напряжение плюс алкогольное воздержание (частичное). Без своевременного обнуления мозга протухают. Что и требовалось доказать.

Андрей сунул ключи в карман и спустился вниз по ступенькам.

* * *

Первым делом Андрей сфотографировал гору, у подножья которой стоял дом, подобрав самый живописный ракурс, потом отправил фото Сашке и занес пиво. В «Ленте», куда он заехал за стиральным порошком и моющим средством, шла акция на «Охоту» в стекле. До завтрашнего дня, на который был запланирован окончательный разрыв с Зеленым змеем, оставалось десять часов.

В холодильнике на дверце тошнотворным комплиментом стояли две баночки детского пюре из чернослива с ржавыми крышками. Полка не было. Содержимое охранял приклеенный снаружи к дверце магнитик «Синий глаз», что было очень кстати – злая мысль прикончить пиво, а потом разгрузить машину уже бродила в дебрях сознания.

Потыкав на кнопки под крышкой, Андрей запустил кондиционер, и, выдохнув пылью, тот задул вполне себе прилично – арктический ураган по сравнению со сквозняком, который выдавал климат-контроль в «Авенсисе». Телевизор с переменным успехом показывал пять каналов. Два из них на твердую четверку. Чем-то следовало застелить диван, выглядел он исключительно мерзко, а еще лучше было бы вместе с утопленной тумбочкой и детским креслом отправить его в мертвецкую Синей Бороды. Андрей достал из кармана кольцо с кроличьим хвостиком и обнаружил, что по сравнению со вчерашним днем ключей стало на один меньше.

Несколько маек, джинсов и свитеров легко разместились на двух средних полках шкафа. Рубашка в клетку, вымазанная кетчупом на заправке под Ростовом, была разжалована в тряпки. Андрей смахнул пыль с мебели и запланировал вечером протереть пол (с поправкой на содержимое холодильника – крайне трудновыполнимое намерение). На верхней полке обнаружили еще два источника травяного запаха. *Она не рассказала ничего о себе, но оставила мне свои сны.* Неплохое начало какого-нибудь любовного романа. Все букетики Андрей сложил в высвободившийся из-под теплых вещей пакет, который с этого момента можно было считать мусорным.

Помимо всего прочего Андрей привез с собой костюм-тройку от Гуччи, скороварку и фарфоровый чайный сервиз на восемь персон. Нагреб в сердцах, после того как получил на Главпочтамте сразу три исковых заявления: от Ленки – на раздел имущества, от Северина – по солидарной ответственности, и из банка – по непогашенному кредиту.

На случай отсутствия интернета он взял с собой несколько книг: «Методические рекомендации по возделыванию озимой пшеницы в условиях Юга России», учебник по механи-

зации для ВУЗов (обе книги купил на «Озоне» в апреле), «Деревню» Бунина (больше стес над самим собой, чем желание приобщиться к классике) и «Демон Алкоголь» – практическое пособие по борьбе с пьянством за авторством Стенли Маквея, которое здорово помогало, но никогда на все сто. Книги, вместе с хозяйскими «Инфекционными болезнями», он поставил на полку, потеснив стопку общих тетрадей с конспектами по химии, физиологии человека и анатомии, написанных тонким женским почерком. Тетради довольно странно сочетались с папкой «НДФЛ за второй квартал», которая торчала из сумки Зуриды.

Под душем Андрей не задержался. Помимо того, что бойлер не успел толком нагреться, вода плохо смывала мыло и имела выраженный тухлый запах, как у самой злой минералки в Нарзанной Галерее.

Недержание крана на кухне было устранено одним поворотом ключа, найденного в сарае. Инструмента, аккуратно разложенного по ящикам и полкам, в сарае было много. С унитазом ничего не вышло – нужна была новая прокладка. Прежде чем забрать пиво и отправиться во двор, Андрей прижал «синим глазом» к дверце листок из Сашкиной тетради, доверив амулету помимо охраны провианта еще и контроль за выполнением планов.

Лавки во дворе не было. Андрей отыскал в траве пластиковый детский стул, который заметил вчера, и поставил его в тень растущего у дома тутовника. Вполне удобно, если рассматривать в качестве альтернативы землю.

– Добрый день, дамы и господа, – Андрей протянул открытую бутылку в сторону дома, как если бы хотел чокнуться с собеседником.

Никто не ответил. В глаза вражески светило солнце. Андрей отхлебнул четверть бутылки и с удовольствием почувствовал, как прохладная жидкость стекает в желудок.

– Имею честь объявить проект «Фермер» запущенным.

Пальцами он показал ножницы, которыми перерезал воображаемую красную ленточку.

– Мы долго шли. Сквозь дебри объявлений, бессонные ночи и безжалостные утра. Сквозь сомнения и отчаяние. Конечно, ферма выглядит не совсем так, как некоторые из нас его себе представляли, но уверяю вас, мы на правильном пути. На пути к светлому и сытому будущему.

Андрей откашлялся, выдержал паузу и отхлебнул из бутылки.

– Спасибо за аплодисменты. Есть желающие выступить?

Он обвел взглядом пространство перед собой, как будто вокруг было полно людей. Вышло глупо и несмешно. Крона тутовника слегка качалась на ветру и едва слышно царапала ветками по крыше в абсолютной тишине. Глушь. Дикая, безлюдная глушь.

– Нет желающих выступить? Тогда я добавлю от себя еще пару слов. Пусть простят нас кредиторы. Видит бог, я не собирался никого кидать. И будь проклят маслозавод, и пусть Куницын жарится в аду на том самом масле, которое он у нас украл. И еще. Можешь поздравить меня, Саша, я сделал первый шаг. Спасибо, что был со мной. На этом у меня все. Спасибо за внимание.

Он сделал еще глоток, и в бутылке осталось не больше половины.

Обычно небольшая доза сарказма помогала поднять настроение почти также верно, как небольшая доза этанола, но не сейчас. Дом молчал, угрюмо наблюдая тусклым взглядом грязных окон. Ни ключи в кармане, ни договор аренды в бардачке не сблизил мрачное жилище с новым жильцом ни на миллиметр. И дом был не один. Кто-то еще почти осязаемо смотрел прямо в лицо Андрею из зарослей лебеды и амброзии. Властно, пристально и неподвижно, как старуха в кабинете нотариуса. *Тайный участник собрания и тайный поклонник твоего актерского мастерства. Вам совсем не обязательно себя сдерживать. Можете поаплодировать.* Андрей сделал еще один большой глоток и чувство пропало.

* * *

– Начинается посадка в скорый поезд номер сто сорок шесть, «Кисловодск-Москва». Время отправления: двадцать три часа десять минут. Поезд отправляется со второго пути.

Справа, на соседнем ряду, женщина в синем сарафане сказала дочке «вставай», и вместе с ребенком, как будто разбудила весь зал. Вокруг зашептали голоса, зашелестели одежды, зашаркали ноги, застучали чемоданные колесики на стыках гранитных плит. Давай! Скорей! Домой! Игорь, не открывая глаз, нащупал под лавкой ханг¹ и поправил свернутую рулоном куртку, служившую подушкой.

Гул потек рекой к широким распашным дверям у выхода на перрон. Электронные часы над дверьми показывали двадцать три ноль две. Еще есть восемь минут на то, чтобы разбудить Сэма и добежать до любого вагона. Поговорить с проводником, позвонить предкам и попросить, чтобы сбросили денег на карту. Здравствуй дом и прощайте мечты. Толпа вытекла из зала, эхо смолкло, и внутри, кроме них двоих, не осталось никого.

На самом деле все было не так уж и плохо. Вокзальные лавки были немногим хуже узких и скрипучих кроватей в «Какаду» (двести пятьдесят шесть рублей за ночь плюс сотка за каждую смену белья), а по утрам в туалетах было чисто; на раковинах стояло жидкое мыло, из крана текла горячая вода. Черт, да здесь был даже бесплатный вай-фай. «Мы жили на вокзале, – скажет он своей девушке, когда она появится. – Там была отличная акустика». Она восхитится его аскетизмом и засмеется. Откуда ей знать про чистые туалеты и вай-фай? А потом, позже, когда придет Большой Успех, Игорь будет часто вспоминать свои первые гастроли в газетных и телевизионных интервью.

Да, неплохо, и все же лучше было бы вернуться обратно в «Какаду».

Попав точно в паузу между ударами колес уходящего поезда, хлопнула дверь. Игорь сел и потер глаза. За ночлег они платили копам музыкой, хотя набор инструментов и мало подходил под музыкальные предпочтения стражей порядка (а, ну-ка, пацаны, сбацийте «Коку Джамбу»). Но это оказался не патруль.

От дверей вглубь зала неторопливо шагал человек средних лет в слишком теплом для летнего вечера свитере и мятых широких брюках. В такт шагам позвякивали висевшие на пальце ключи. Для гопника он был староват и неудобно одет. Для педика (а время от времени к ним подруливали и такие персонажи, неправильно понимавшие сценический образ и намекавшие на совместный оплачиваемый поход в туалет) – слишком толстым и неухоженным.

– Салам, босяки.

Человек произнес приветствие нарочито небрежно, явно стараясь придать ситуации спонтанный и естественный характер. Актер из него был так себе.

– Здрасьте, – ответил Игорь за двоих.

Черкес, армянин или грузин. Игорь мог слышать, прилипший после дождя к резонатору листок акации, но все кавказцы, как китайцы, всегда оставались для него на одно лицо. Человек сел на край лавки и кивнул на ханг.

– Можно попробовать?

– Да, конечно, – ответил Игорь вместо крутившегося в голове «да пошел бы ты...». – Только, пожалуйста, поаккуратней.

Он достал инструмент из-под лавки и протянул незнакомцу.

– На медный таз похоже, – сказал человек, покрутив ханг в руках.

¹ Ханг – ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух соединенных между собой металлических тарелкообразных частей с выемками для игры на верхней части.

А если бы он перевернул его, то сказал бы «на летающую тарелку». Так говорили десять из десяти. На самом деле ударный инструмент (хотя отдельные музыканты причисляли ханг к барабанам, Игорь был категорически против такого упрощения) был похож на телепорт. За пару минут он мог унести слушателя на Альфу Центавра. Восемь мелодичных тонов и бесконечность в каждом звуке. Человек дважды шлепнул ладонью по дну. По залу прокатились два глубоких протяжных вздоха.

– И звучит как таз.

Игорь пожал плечами. Пройти сквозь телепорт мог не каждый.

– И что, получается? – спросил человек, возвращая инструмент.

– В смысле?

– В смысле, как шоу-бизнес?

– С шоу норм, а бизнес так себе. Вторая половина недели всегда тухляк. С понедельника новая волна курортников прибудет, тогда, может, и бизнес поперет.

Тухлая вторая половина недели длилась почти месяц, с самого первого дня их приезда. Игорь вспомнил сегодняшний концерт и чела с пачкой купюр в руке, ни одна из которых не упала в раскрытый рюкзак.

– Можно не ждать понедельника, – Игорь почувствовал, что они переходят к главному вопросу, с которым собеседник сюда пришел. – У меня тут неподалеку фазенда. Барашка-марашка, такие вещи. Работники нужны. Два косаря на нос за день. Расчет в конце недели.

Заскрипела дверная пружина, и в зал вошли мужчина с женщиной и ребенком.

«Кисловодск – Санкт-Петербург. Время отправления два часа восемнадцать минут», – пронеслось в голове. Можно было устраиваться диспетчером. Новый знакомый бросил в сторону новоприбывших короткий и как будто недовольный взгляд.

– Ну так что?

Две тысячи на человека – это четыре тысячи на двоих, они могли бы существенно улучшить свое финансовое положение, разнообразить рацион и снова вернуться в «Какаду».

– Ну, я думаю, пару дней мы могли бы поработать, но мне нужно посоветоваться с товарищем. А что нужно делать?

– Сено сложить нужно. И пару дней мало, неделя нужна.

Перспектива провести неделю среди барашков-марашков не особенно пленяла воображение. За неделю точку мог занять парень с саксофоном, который толкся у цветочного ларька. Новый знакомый, ищущий по ночам на вокзалах работников, тоже не внушал доверия. Но четыре тысячи в день – это был очень тяжелый аргумент.

– Завтрак, обед и ужин, крыша над головой, душ, телевизор. В конце недели шашлык-машлык и литр водки за счет заведения. Как в санатории.

От слова «шашлык» рот наполнился слюной, а от слова «душ» зачесались спина и шея. Водные процедуры в вокзальном туалете, даже когда из крана текла горячая вода, носили формальный характер.

– Я понял. Но мне все равно нужно посоветоваться с товарищем, – Игорь кивнул на спящего Сэма.

На самом деле все и так было ясно.

* * *

Начало смеркаться, и Андрей вернулся в дом. У детского стульчика под тутовником остались стоять четыре пустых пивных бутылки. Критическая доза была достигнута, процесс обнуления запущен, впервые за последний месяц и, хочется надеяться, в последний раз за этот год.

Из-за тухлого привкуса воды «Доширак» балансировал на грани съедобного. Вилки на кухне отсутствовали в принципе, как на поминках, ножи были керамическими, а ложки дере-

вянными, расписанными красными и золотыми вензелями на черном. Привет из Хохломы маленькому южному дурдому.

Еще бутылку он приговорил за ужином, и к обнулению она не имела никакого отношения. Дикость места, в котором он поселился, как высота на крыше многоэтажки, ощущалась даже с закрытыми глазами. В сгустившихся сумерках за окном стрекотали сверчки и ухали совы.

После ужина, вооружившись кухонным веником (пылесос, как выяснилось впоследствии хранился за дверью в спальне) и все той же разжалованной в тряпки клетчатой рубашкой, под зорким контролем Всевидящего Синего Глаза, Андрей приступил к уборке. Под диваном в пыли обнаружили четыре желтых таблетки, а в спальне, за кроватью, в плотном клубке паутины, – две пуговицы и детская соска с Чебурашкой. Нелепое месторасположение кресла объяснялось прогрызенной в полу дырой под ним. Хотелось думать, что это сделали мыши, но диаметр отверстия намекал на грызунов покрупнее. Рядом с запертой внутренней дверью слух обострился до звона в ушах. *Никаких мертвых жен? Разве? А вот обтянутая полиэтиленом дверная ручка намекает на что-то вроде того. И, кстати, что там в прошлом году показывали по телевизору? А? Вряд ли это был репортаж про рекордный урожай кукурузы.*

Когда он закончил, часы на телефоне показывали одиннадцатый час ночи. Мокрую тряпку он бросил перед входом, после чего запер дверь на два оборота и повернул ключ так, чтобы замок не открывался снаружи. Позже, прежде чем лечь спать, он проверял дверь еще дважды.

По телевизору шло много чего и ничего интересного. Он оставил НТВ. Стрекот кузнечиков и уханье сов утонули в мелодии рекламной заставки «МТС». От дивана шел запах, который прежде заглушали травяные букетики. Пахло чем-то старым и жирным, похожим на прогоркший смалец.

Пожалуйста, не спрашивайте о нем. У нас это не принято. Но, если вы так настаиваете, то да, он долго болел, лежа на этом самом диване. Здесь и умер.

Угадал, надо же. Андрей пересел с дивана на кресло в углу, но и отсюда смотреть телевизор было тяжело. Кресло как будто специально поставили перед окном, и желтые занавески... (да, да, те самые, про которые писал Успенский. Где это ты читал? В «Технике Молодежи?» Наверное, ну не в «Мурзилке» же) ...и желтые занавески выглядели, как занавес в театре. В Андрее вдруг снова проснулся актер. Воображаемый митинг во дворе был ошибкой. Нужно раздеться догола, взять деревянные ложки и выбивая ими шаманский мотив прыгать по комнате вокруг кресла, как вокруг костра. Только так можно поздороваться с домом. Только так дом мог его принять.

Чтобы отвлечься от абсурдных и пугающих мыслей, он включил ноутбук, почитал новости и, по привычке, объявления по аренде земли, потом открыл почту. Письмо сыну было коротким. «Добрался. Все хорошо. Завтра приступаю». В таком состоянии очень важно было не написать лишнего. На ночь он оставил включенным телевизор и свет в прихожей.

* * *

Белый, заляпанный грязью джип, к которому привел их Михаил (так представился новый знакомый), стоял в дальнем углу парковки, под потухшим фонарем.

– Извините за дотошность, но, сами понимаете, – Игорь на два шага отступил от открывшейся задней двери и рукой остановил Сэма, – Сейчас такое время. Паспорт или права можно?

Михаил усмехнулся и полез во внутренний карман.

– Вообще не вопрос, мой дорогой. Хочешь, могу даже налоговую декларацию предоставить.

Снимок разворота Игорь отправил сестре с комментарием: «Завтра даем концерт баранам, фото их жожака высылаю. Если до воскресенья не отзвонюсь – иди к копам». Человек на фотографии был не очень похож на Михаила, но Игорь предпочел не развивать эту мысль. Мысли часто материализуются. Особенно плохие. Отец на правах тоже был больше похож на Харрисона Форда, чем на себя.

Игорь и Семен (для своих Сэм) вместе учились в музыкальной школе по классу фортепьяно. По окончании их дороги (на деле, узкие неприметные тропы) разошлись, а когда шесть лет спустя начинающий юрист встретил начинающего инженера-технолога в магазине «Sound underground», оба восприняли это как знак свыше. К тому моменту Сэм самостоятельно освоил флейту, а Игорь – музыкальный телепорт, похожий на летающую тарелку. Оба ненавидели полученные профессии и оба пребывали в зоне притяжения того трансцендентного места, где рождается настоящая музыка.

Кисловодск, как место первой гастроли, предложил Игорь. Ему показалось, что в горах ханг и флейта будут звучать особенно органично, а публика на водах будет чувствительнее, чем на пляже, и в первой половине своих прогнозов он не ошибся.

– Вставай, приехали.

Игорь проснулся от тычка в плечо. Машина с заглушенным двигателем стояла на освещенном пятаке земли перед покосившейся хозяйственной постройкой – то ли складом, то ли фермой. Михаил исчез. На заднем сиденье Сэм звенел мелочью в карманах.

– А это что за дыра? – спросил Игорь.

– Самая черная жопа мира. Гугл показывает где-то между Черкесском и поселком Прогресс Минераловодского района Ставропольского края. Восемьдесят шесть километров от Кислового, – понятие «недалеко» в очередной раз неприятно удивило Игоря своей растяжимостью. – Ты мои наушники не видел?

– У меня в рюкзаке. Потом отдам. А где худрук?

– Сказал, что пошел со сторожами разбираться, а там хрен его знает. Блин, без спроса больше не бери, я думал – потерял.

– Э, гастарбайтеры, вашу мать, – вдруг перебил знакомый голос снаружи, – Давайте, вылезайте. Пока Саид разрешает.

– Слыхал, как он заговорил? – шепнул на ухо Сэм.

Игорь открыл дверь и вылез из машины. Тяжелый неподвижный воздух снаружи был пропитан запахами навоза и чабреца. Ноги по щиколотки провалились в мягкую пыль. Кроме освещенного фарами сарая, рядом в темноте располагались еще несколько построек. Михаил стоял в десяти шагах от машины, обхватив шею огромного лохматого пса, и что-то приговаривал ему в ухо. Пес жадно сопел и хрустел гостинцем.

– Кому говорю, быстрее давай. Когда «Кириешки» кончатся, Саид совсем злой будет. На себя тяни, там не заперто.

Грубо сколоченная из досок дверь с ремнем вместо ручки цепляла углом за коробку.

Игорь вошел и нащупал справа выступающий из стены выключатель. Над головой холодным белым светом вспыхнула хрустальная люстра. Справа от двери стоял заляпанный моторным маслом кожаный диван. Над ним, на гвозде, вставленном между кирпичей, висело большое круглое зеркало в золотой оправе. Следом вошел Михаил.

– Ну как? Нравится? Пятизвездочный отель «Жемчужина КЧР» приветствует вас.

Игорь еще раз посмотрел на дверь, на диван и на зеркало.

Расселение заняло меньше пяти минут. В общей спальне, как в больничной палате, рядами стояли койки разных конструкций: от казенных сеток с трубчатыми спинками до двухспального будуара с балдахином. На кроватях спали люди. Про простыни и наволочки в «Жемчужине КЧР» никто не слышал. Игорь бросил сумку на ближайшее к выходу свободное место,

Сэм – на ближайшее к Игорю. Немного напрягала широченная плазма над головой, зато к каждой кровати прилагалась отдельная тумбочка.

– Пойдем, покажу, где пожрать можно, – позвал Михаил.

Коридор упирался в грубо сбитую деревянную перегородку, за которой тяжело вздыхала во сне овечья отара. Как и прихожая, кухня-столовая была обставлена в стиле «дерьмо с медом». Вокруг малайзийского стола с резными ножками вперемешку стояли несколько стульев, грубо покрашенные табуреты и пара деревянных ящиков, застеленных тряпьем. Стены, мебель – все вокруг было черным от мух и результатов их жизнедеятельности.

– Там поищи. – Михаил кивнул Сэму на трехдверный холодильник. – Что-нибудь найдешь. А так вообще, завтрак утром в восемь. Душ и толчок там, рядом со спальней. На улицу не выходить, Саид этого не любит. Курить можно только на кухне. Все остальное Гаджи завтра по полочкам разложит. Вопросы есть?

Игорь с Семеном промолчали.

– Вопросов нету, – ответил Михаил сам себе. – Тогда до завтра.

Он махнул рукой и вышел из кухни. Несколько секунд спустя хлопнула входная дверь. Игорь подошел к окну. Выбежавший из темноты навстречу хозяину пес показался еще больше, чем при первой встрече.

– М-да уж, – сказал Сэм и открыл холодильник. – Что-то не втыкает мне эта филармония.

– Только я тебя прошу, не начинай ныть, а? – Игорь достал из кармана сигареты и закурил. – Немного подзаработаем и вернемся на точку. Это как по пути на репетицию заскочить в сортир.

– Ну, да. Только у тебя супермегазапор, и сидеть на унитазе придется неделю.

Игорь чуть скривился, оценив шутку, и сбил пепел в обрезанную банку из-под джин-тоника. Все будет норм. Как сказал Македонский: «Все, что не убивает, делает меня сильнее». Найденную в холодильнике баранину они разогрели в микроволновке. Плотный ужин существенно скрасил первое впечатление от нового места.

* * *

Заснуть Андрей не успел. Дрему перебил тихий скребущийся звук из гостиной, напугавший про дыру под креслом. Андрей открыл глаза и повернулся. Сам телевизор из кровати виден не был, только свечение от экрана. По стенам ползали тени. Для проекций они показались Андрею слишком темными и резкими, хотя ничем другим быть не могли. Он подумал про желтые занавески и про собственную глупость, питающую страх.

При чем здесь глупость? Понимание механизмов Вселенной не поможет потушить Солнце.

Скребуший звук, который разбудил его, повторился. Теперь звук был значительно тише и доносился как будто из другого конца комнаты. Андрей поднялся с кровати. Голова кружилась и слегка качало. Андрей сделал шаг к двери. Тени на стене испуганными рыбами метнулись в стороны и исчезли.

Из телевизора в комнату медленно вползал человек. Верхняя половина его тела свешивалась наружу и опиралась руками на пол, нижняя все еще оставалась по ту сторону экрана. Лица не было видно – человек опустил голову и смотрел в пол прямо перед собой. По тощей спине двигалось перевернутое вверх ногами изображение: велосипедист ехал по лесной дороге. Когда велосипедист остановился, и картинка перестала так бешено плясать, Андрей разглядел на рукаве шеврон «Аэрофлота».

Володя налетал на Аэробусе А320 больше шести тысяч часов и мог бы удвоить результат, если бы не апноэ. Его похоронили в две тысячи шестом. Брат медленно вытащил из телевизора

сначала одну ногу, потом вторую, отполз на четвереньках в сторону и остановился у кресла. У обутой в старомодную летнюю туфлю ноги того, кто в нем сидел.

Комната была полна молчаливых и медленно шевелящихся людей. Они сидели за столом, который вытянулся так, что дальний конец исчез в полумраке разросшейся комнаты, на вытянутом диване, теперь больше походившем на ряд кресел в кинотеатре. Мужчины были одеты в строгие и как будто великоватые костюмы. Женщины – в темные и мятые платья. Почти все собравшиеся были родственниками или знакомыми и все они были давно мертвы. На столе стояли стаканы, тарелки и бутылки. Толченая картошка с мясом на подносах. Старухи не было, но Андрей был уверен, что все происходящее связано с ней, а с ним самим сейчас происходит то же самое, что происходило с Кисловой, только с некоторым запозданием. Старая ведьма каким-то образом вложила ему в голову психологическую мину, и таймер только что обнулится. *Бабах. Как тебе такая альтернатива алкоголю?*

Старомодная летняя туфля принадлежала Шилову, историку из седьмой школы, с которым Андрей часто выходил покурить на большой перемене до того, как бросил. Шилову уже тогда было нормально за семьдесят. По четвергам он ходил на химиотерапию. Все это было семнадцать лет назад, и, в общем-то, его присутствие за этим столом выглядело вполне логичным.

Шилов встал, и лица присутствующих повернулись к нему. Пластиковый стаканчик в его изъеденной артритом руке слегка дрожал.

– Я хотел сказать, что Карфаген должен быть разрушен, но, кажется, об этом уже говорили. В прошлом слишком темно. – Шилов высоко поднял стакан, как будто собирался опрокинуть его содержимое себе на голову. – Слишком темно. А вот с грядущим все понятно. В сложившейся ситуации нашему общему другу лучше было бы сейчас оказаться среди нас.

– Надеюсь, вы имеете в виду с нами за одним столом, а не вообще с нами, – перебил его поднявшийся на ноги Володя.

Мужик справа, похожий на охранника с маслозавода, часто и мелко закивал, как разволнованный маразматик. Телевизор продолжал беззвучно работать.

Велосипедист на экране выехал к безлюдному песчаному пляжу, и прежде зеленоватые люди слегка пожелтели.

– Я не согласна! Это не вам решать! – откуда-то с дальнего края стола прокричала тетя Алла, сестра мамы, умершая еще до того, как Андрей закончил школу.

Она сидела достаточно далеко, но Андрей все равно очень хорошо слышал каждое ее слово.

– В банке с огурцами не хватает рассола, и не каждый может сразу найти свое место.

– Все, кому не хватило места, залезайте ко мне! – выкрикнул из-под стола какой-то мальчишка в полосатой майке и залился долгим икающим смехом.

Знакомый голос. Андрей подошел поближе и узнал в нем Сережу Гнездилова, товарища со двора, который утонул на море, когда им было двенадцать. На полу рядом с Сережей стоял стакан, накрытый четвертушкой хлеба.

– Он нас видит? – спросил Володя мужика, похожего на охранника.

– Не знаю.

– Слышит?

– Ну, это как повезет.

– Андрюха. – Володя взял со стола стакан, поднял его и посмотрел вокруг. – Если ты меня слышишь, братка, уматывай отсюда к чертовой матери. Нечего тебе здесь делать.

Брат вдруг резко развернулся и плеснул из стакана Андрею в лицо. Содержимое воняло сероводородом и жгло глаза. Картинка исчезла. Андрей шагнул назад. Рядом грохнул о пол опрокинутый стул.

– Тебе нечего здесь делать. Уезжай, – повторил еще раз откуда-то справа Володя.

Невидимые руки обхватили Андрея и потащили в спальню. Его уложили в кровать и прикрыли покрывалом. Ни сопротивляться, ни вставать он не стал.

* * *

Второй раз за ночь Андрей проснулся ближе к рассвету. Воняло рвотой. В соседней комнате по-прежнему работал телевизор. Брошенный на песчаном берегу велосипед омывал прибор.

Андрей поднялся на ноги, и сердце затарахтело как «Авенсис», когда вместо второй передачи попадаешь на четвертую. Верный признак гипертонии со слов Ленки. Голова закружилась, он сделал шаг, и нога стала в мерзкую теплую кашу на полу.

Черт. Андрей снова сел на кровать и с отвращением вытер ногу рукой. Черт. Ну и вонь. Он вытянул руку подальше от себя и как слепой направился к двери.

В ванной его вырвало еще раз. Душ, достающий до унитаза, оказался весьма кстати. Андрей набрал воды в рот, прополоскал и выплюнул. От мысли утолить жажду дрянью из крана его передернуло. В холодильнике оставалось пиво, и можно было бы попробовать «клин клином», но этот клин сильно напоминал последний гвоздь. Андрей взял ключи от машины и вышел во двор. В кармане задней двери лежала красная пластиковая бутылка для занятий спортом. Сашка забыл, когда Андрей подвозил его домой с футбола. (Потом вернешь, у меня еще две запасных). Воды в бутылке оставалось не меньше половины. Спартак – Чемпион. Андрей выпил всю и вставил бутылку обратно. Вернувшись домой, он застыл в дверях как вкопанный.

Стул, который он опрокинул во сне, когда покойный брат плеснул ему в лицо из стакана, лежал на середине комнаты в том характерном положении, которое заставляет взглянуть на потолок над ним. Андрей взглянул. Так и есть – точно под люстрой, и крючок, должно быть, как и все в этом доме, был прилажен на совесть.

Вот тебе и сон.

Оставалось надеяться, что это совпадение. Что здесь не было никаких подсознательных намерений. Что он просто бродил ночью то ли пьяный, то ли во сне.

* * *

Вместо скрипа вагонов и радиосообщения диспетчера громко блеяли овцы. В окно светило солнце, часы на смартфоне показывали шесть сорок пять. Игорь сел в кровати. Занавес на шатре в центре комнаты был раздвинут, внутри сидел человек и шелестел полиэтиленом, в который была упакована новая белая майка с надписью «BOSS». Заросший, с крупными и желтыми от никотина передними зубами он был похож на одетого хомяка. Руки у человека-грызуна были покрыты ссадинами, под ногтями застряла грязь. Рядом с ним лежали еще несколько смятых вещей, уже распакованных, но еще не лишившихся этикеток. Больше в комнате не было никого.

– Доброе утро, – поздоровался Игорь, стараясь, чтобы приветствие выглядело твердым и безразличным.

Сосед бросил в его сторону короткий взгляд и снова вернулся к изучению майки.

– У нас говорят «салам алей кум». Ночью приехали?

– Да. Часа в три. Мы здесь ненадолго.

– Здесь все ненадолго, – ответил человек, пособирав с кровати вещи и убрал их в прикроватную тумбочку.

В открывшемся ящике мелькнул разворот измятого порножурнала. Игорь сделал вид, что ничего не заметил.

– Ты шевелись, братишка, а то без завтрака останешься. Гаджи два раза не накрывает.

Человек внимательно осмотрел Игоря, как товар на витрине, от стоп ног и до макушки, и как-то двусмысленно улынулся.

– Кто?

– Козлик без пальто. Давай шевелись.

Игорь наскоро заправил кровать. На подушке обнаружились два светло-коричневых пятна, которые он не заметил вчера. Последние недели почти уничтожили в нем брезгливость, но все равно открытие показалось неприятным. Таким же неприятным, как залитый водой пол и свежая порция зеленых соплей на раковине.

В столовой звенела посуда, стучали ложки и скрипели по полу стулья. Всю эту богатую аранжировку создавали всего шесть человек. Четверо из них были разновозрастные забулдыги с красными носами. Пятым был Сэм. Шестым – тощий черкес в военной форме с густой кучерявой бородой, стоявший в дверях. Для полноты образа ему не хватало берета.

– Давай быстрее, – скомандовал черкес и хлопнул Игоря по плечу.

На языке завертелось «Так точно, команданте», но в последний момент Игорь струсил и ограничился коротким кивком.

Сэм сидел на краю стола, зажатый между двумя обладателями свиных рыл, и сосредоточенно, как будто боясь посмотреть вокруг, ковырял ложкой в тарелке. Угрюмой его выглядел только дед с гладко выбритым морщинистым лицом и распухшим фиолетовым ухом. Игорь хотел подсесть к товарищу поближе, но черкес указал на свободное место на другой стороне стола.

Внешне «овсяная кашка» напоминала запаренный комбикорм. Вкус вполне соответствовал внешнему виду, и даже мухи проявляли к блюду весьма сдержанный интерес. «Жемчужина КЧР приветствует своих гостей», – вспомнил Игорь. Изрядно поддатый повар в грубом фартуке расхаживал вдоль стола с кастрюлей и половником в руках и предлагал добавки.

– Да ты кушай, кушай. Хорошего человека должно быть много. Давай. Почему нет? Хорошо работает тот, кто хорошо ест.

Судя по размерам брюха, сам он работал за десятерых.

Все аборигены, кроме деда, прошлись по поводу афроамериканских косичек и бороды Игоря, на что он вяло отшутился. Вместо стула ему достался накрытый тряпками ящик, который шатался и скрипел, как и положено инструменту для изведения новичков.

* * *

Какой бы неожиданной и странной ни казалась дорога, ведущая от крыльца «маленького офиса» к заброшенной ферме в предгорьях Кавказа, путь от нового дома к месту, которое в ближайшем будущем должно было сыграть роковую роль в судьбе Андрея, выглядел еще удивительней. Андрей направился туда, как будто специально для этого и приехал. Прямоком и в первое же утро.

Жаркое и серое утро, лишненное звуков и красок, встретило его сухостью во рту, спазмами в животе и головной болью. Впереди был такой же тягостный день, который нужно было терпеливо пережить. Первый шаг к новой жизни, не упомянутый в прилепленном к холодильнику плане, был неуверенным и робким. Андрей все еще был пьян, но Демон Похмелья потихоньку начинал накручивать мозги на палку.

Страдать можно было либо в кровати, либо на ногах. Как обычно, он выбрал второе. Раньше, до того, как все полетело к чертям, он каждый вечер гулял по городу. Иногда с женой, но чаще один, чтобы размяться после продолжительных деловых встреч и просто развеяться. Отличная альтернатива бане, бильярду или спортзалу для глубинного интроверта.

Выбор маршрута был несложным: либо к реке, либо к автодороге. Густой пылящий бурьян зажимал узкую тропу с обеих сторон. Очень скоро зачесались глаза и потекло из носа. Несмотря на усиливающуюся боль в голове, последние метры к реке он почти бежал. Освежающий эффект воды оказался несколько смазан знакомым запахом тухлятины.

Вниз по течению река мелела и разливалась на всю ширину русла. Удобнее было двигаться вверх, в сторону аула. Путь был извилистым и просматривался не дальше, чем на сто метров вперед. В кристально чистой воде виднелись поросшие, как мхом, зелеными водорослями камни на дне и стайки мелких рыб. Из-под ног прыгали в воду и исчезали в облачках поднявшегося со дна ила лягушки. Время от времени попадались небольшие препятствия в виде обточенных водой коряг и мелких озер.

Когда в воде появились разноцветные, похожие на игрушки для песочницы, пластиковые поплавки, Андрей понял, что дошел до аула. Из воды на берег выходили трубы, плохо присыпанные камнями. Насосы либо лежали под водой, либо (что скорее всего) были установлены в домах, а на дне покоились концы труб с водозаборными фильтрами. Но тогда зачем были нужны поплавки? Андрей продолжал размышлять над этим вопросом до тех пор, пока вдруг не увидел дамбу.

Стена, перегородившая реку, как будто сама выползла навстречу ему из-за поворота. Из квадратных проемов широкими струями вниз срывалась вода. Огромные каменные блоки, покрытые мхом, завораживали взгляд. Андрей остановился. По обе стороны реки к стене примыкали многочисленные лестницы и террасы. Полуразрушенные и поросшие кустарником, спрятанные в лесной глуши, они утратили прежнее назначение, но не потеряли ни капли мрачного царственного величия. Андрей подумал, что сейчас он похож на героя Луи Буссенара, наткнувшегося на древний, затерянный в джунглях город, но на самом деле он больше походил на Пьера Кюри, вдруг обнаружившего светящийся изотоп.

Два часа спустя, дома, на запрос, включающий в себя название аула, Гугл выдал четыре десятка сайтов. Электронный журнал «История Кавказа», Краеведческий музей КЧР и дальше в том же духе. Дамба и связанный с ней комплекс древних строений по обе стороны реки в научных кругах назывались «городом хетов». Место было довольно популярным в узком кругу краеведов и археологов и являлось памятником древности.

Плотина на фотографиях из интернета выглядела значительно свежее: ни травы, ни кустарника, ни надписей, но самой главной достопримечательностью оказалась отнюдь не она. На другом берегу реки располагался древний некрополь, состоящий из двенадцати дольменов, которые были намного старше плотины и возраст которых оценивался в шесть-семь тысяч лет.

Дольмены были какой-то уникальной конструкции: с каменным полом, отверстием и в крышке, и в стене. Как понял Андрей, обычно встречалось либо первое, либо второе. Городу хетов было посвящено не меньше десяти диссертаций и полсотни статей. Самое серьезное исследование и оно же самое первое, на которое ссылались все остальные, было проведено профессором Аникеевым в 1912 году и отражено в статье «За тысячи лет до сарматов и киммерийцев» в журнале «Вестник археолога». Позже статья неоднократно переиздавалась, последний раз в 1996. На Озоне в разделе «Букинистика» продавался журнал «Древний мир», в котором эта статья была.

После того, как первоначальное изумление немного притупилось, а головная боль снова напомнила о себе, Андрей направился вверх по лестнице. Ветер занес ступени землей, как снегом, превратив лестницу в склон. Справа, вдоль частично уцелевших массивных каменных перил, вверх по склону вела тропа. Продираясь сквозь заросли, Андрей поднялся на первую террасу, где обнаружил надпись, вырезанную на стволе дерева: «Тебе туда не надо» и стрелку, указывающую на противоположный берег.

Тропинка заканчивалась небольшой полянкой на гребне постройки. В центре располагался выложенный из камней и почерневший от копоти очаг. Таинственную атмосферу древно-

сти существенно разбавляли и другие современные артефакты: пивные банки, окурки и пачки от сигарет. Не сегодня, но совсем скоро, Андрею предстояло очутиться на этой полянке еще раз, а потом бежать отсюда, сломя голову и вытаращив от ужаса глаза.

Водоем по другую сторону дамбы оказался значительно меньше и угрюмей лесного озера, нарисованного воображением. Торчавшие из воды мертвые деревья и огромные водовороты у стены, напоминавшие о сливных каналах, несмотря на зной, отбивали всякое желание искупаться. Глубина здесь была не меньше четырех метров, вода выглядела почти прозрачной, и, если долго смотреть, казалось, что глубоко под водой, у самого дна, двигаются огромные черные тени.

Появление Андрея на дамбе в первые часы первого дня пребывания на ферме не было похоже на результат случайного стечения обстоятельств. Напротив. Как будто чья-то злая воля, куражась и упиваясь собственным могуществом, привела его сюда, и в усмешку, прикрываясь церковной логикой, когда наказание следует не только за проступком, но и за помыслом и даже за душевным изъяном, который может внешне никак не проявляться, указала ему на место, где он будет наказан за то, чего он еще не сделал, но обязательно сделает уже в скором будущем.

* * *

Они сидели в балке между холмов, в жидкой тени ивы, единственного дерева в радиусе нескольких километров, и ждали трактор. У Игорька на коленях лежал ханг, Сэм ковырял веткой в пыли и пил маленькими глотками воду из потертой пластиковой бутылки. Брать с собой на сенокос флейту он категорически отказался.

– Два косаря на нос за такой напяр, это не так уж и дофига, – сказал Сэм и сделал очередной глоток.

Один на земле, другой в телеге. Один принимает, другой укладывает. Каждые два часа двадцатиминутный перерыв – время, необходимое Левшорукуму на то, чтобы отвезти сено на ферму и вернуться обратно. Сама по себе работа была не слишком тяжелой, адской ее делало солнце.

– В смысле вокзал – это не так уж и беспонтово? – отозвался Игорь. – Ну, да. Может быть. Но теперь позднйак метаться. Так что расслабься и постарайся получить от ситуации максимум удовольствия.

Игорь перевел взгляд с товарища на инструмент и первым последовал собственному совету.

Тууонг. Тонг. Тонг. Та.

Простенькая, подсмотренная на Ю-тубе медитативная мелодия цепляла с первых нот. Вместо рафинированной гармонии фортепьянной музыки здесь была дикая и древняя красота. Пальцы и ладони привычно и уверенно прошли по чувствительному металлу. *(Каким же идиотом надо быть, чтобы сравнивать телепорт с тазом)*. По спине пробежала волна мурашек. Умение быстро переключаться и быстро включаться было одним из его коньков.

Тууонг. Тонг. Тонг. Та.

Красивый и простой ритм. Глубокие, бездонные звуки. Жаркое солнце над головой. Игорю наконец удалось выбросить из головы навязчивые депрессивные подозрения, очистить чакры и наладить связь с Вселенной. Он вдруг стал шаманом на краю пустыни, и говорил с духами, и видел то, что скрывает чернота небытия за воротами Смерти.

– А тот чувак с саксом сто процентов сейчас толчется на нашей точке, – снова заговорил Сэм. – Я тебе говорил, что он с Казахстана? Я слышал, как он сказал в антракте одной бабушке, что прикатил с Алма-Аты.

Связь с Вселенной оборвалась так же внезапно, как появилась.

– Какая разница?

– Никакой. Так вспомнил. Он тоже «Яву» курит.

Сэм показал веткой на лежащие в пыли под ногами окурки. Кроме двух еще теплых фильтров «Винстона», здесь были «Золотая ява» с золотистым кольцом на фильтре, «Прима», «Беломор» и «Космос». Окурки представляли собой либо осмоленные фильтры, либо концы сигарет без фильтра тех минимальных размеров, которые только можно было зажать в пальцах. Большинство покоробленные, выцветшие на солнце и пожелтевшие от остатков табака, но были и свежие, как будто вчера выкуранные и точно ни разу не попадавшие под дождь.

– И знаешь еще, чего я никак не просеку? – продолжил Сэм, – Какого хрена они собираются башлять нам по два с половиной косаря в день за три телеги сена? Есть же специальная елда, которая цепляется к трактору и наматывает рулоны. У меня дядька в деревне на такой херне пашет. Так он этих рулонов может штук сорок за день накрутить, и каждый размером чуть меньше телеги. Если бы ему по косарю за рулон платили он бы на Мазератти ездил и на Мальдивах отдыхал.

– Может, эта херня на склонах не пашет?!

– Может. А может, не будет никаких двух штук в день. Ты видел ухо у деда? Это ему тот чел в камуфляжке втащил. Так мне жирдяй в шортах сказал, что справа от меня жрал в столовке. Очень похоже на окончательный расчет за проделанную работу.

Игорь хотел поделиться наблюдением по поводу паспортной фотографии Михаила, но передумал и ударил по хангу немного не в такт. Неожиданный акцент прозвучал, как заготовленная фишка. Его могла бы поддержать и развить флейта.

– Ты зря инструмент на таборе оставил.

– Да в очко такие гастроли. Дерьмовое место и дерьмовая компания. Это я не про тебя, если что. Если бы сюда можно было вызвать мотор, я бы дернул еще утром.

– Начинается. Только не делай вид, что мы в безвыходном и смертельно опасном руко- мойнике. Звони предкам, и нас заберут в течение суток. Для верности можно даже открытую геолокацию подсоединить, чтобы поисковая группа добралась до порога.

– А почему это я своим? Звони ты своим. Кто у нас автор идеи?

Игорь окончательно упал с небес на землю и оборвался на середине такта. Он отложил ханг в сторону и посмотрел на товарища. Короткие перебранки были неотъемлемой частью их randevu со дня отъезда, но от текущего диалога веяло какой-то безысходностью.

– Ты зачем мне все это говоришь?

– Да так, просто.

– Да нет. Не просто. Гнилая тема, Сэм. Мы с тобой вместе решили, что поедem сюда, если помнишь.

– Помню.

– Ну вот. Хорошо. Не забывай.

Он замолчал, прикидывая, не сказал ли он чего лишнего, или попросту говоря обидного, и, убедившись, что все-таки сказал, попробовал исправиться:

– Я же говорю тебе, самому не по кайфу. Меня просто срубило в машине. Как тебе еще объяснить? Если бы не срубило, мы бы вышли раньше. И хрен с ним, что пришлось бы ночевать на остановке. Но мы здесь на неделю. Сечешь? Всего лишь на неделю.

* * *

После обеда Демон Похмеля немного смягчился и позволил доехать до заправки и купить воды. Вернувшись, Андрей поставил вариться макароны, а сам обосновался за столом в гостиной. *Во дни воспоминаний и тягостных раздумий, ты один мне надежда и опора, о Великий и Могуций... Acer Model T.*

В принципе, для того чтобы поковыряться в мировой информационной помойке, телефона было вполне достаточно, но широкий экран и нормальная клавиатура не давали продать гаджет. Вместе с костюмом и туфлями от «Гуччи» ноутбук был артефактом из прошлой жизни. Единственным артефактом, которым Андрей продолжал пользоваться.

«Древний Кавказ – замечательное место. Перекресток миров и вероисповеданий. Ворота, через которые прошло бесчисленное множество черного люда и воинов, сотни царей и десятки пророков», – так начинался ознакомительный фрагмент статьи профессора Аникеева «За тысячи лет до сарматов и киммерийцев». Несмотря на стихающую, но все еще сильную головную боль, Андрею было интересно.

«Летом 1912 года Императорское Московское Археологическое Общество снарядило четвертую экспедицию на Кавказ. Годом ранее близ аула Мамырский казаки обнаружили древние ритуальные сооружения, похожие на те, которые мы наблюдали в районе Геленджика. Прибыв на место, мы обнаружили целый ансамбль, состоявший из моста, каменных лестниц и собственно захоронений. Еще больше научных сокровищ скрывала земля».

Драконовские две тысячи рублей за потерянные «Материалы по археологии Кавказа» и отдаленность пунктов выдачи «Озона» были вполне преодолимыми препятствиями, но год назад из своих банковских карт Андрей нарезал гитарных медиаторов, которые подарил соседскому мальчишке. В открытом доступе были и другие статьи про «город хетов», и в каждой из них рано или поздно упоминался Аникеев и его труд.

Макарены разварились до клейстерного состояния. Андрей выбросил их в ведро и навел чай. В доме по-прежнему чувствовался запах то ли воды, то ли рвоты. Андрей долго размешивал сахар другим концом ложки, разглядывая хохломские вензеля, потом достал из мусорного пакета выброшенные вчера гербарии и вернул их на прежние места. *Загадочные хозяева, зловещий сон, древняя дамба – и это только если по верхам.* Новая точка опоры приобретала черты дополнительного источника негативного воздействия. Чувство тревоги усиливала случайно подвернувшаяся заметка про пропавшего из аула в феврале прошлого года ребенка.

* * *

Как выяснилось, вчерашнее мясо в холодильнике было объедками с хозяйского стола. У работников было свое меню, и на ужин полагались снова помои, но отличавшиеся от утренних и обеденных по консистенции и цвету. Из столовой Игорь в компании новых знакомых вышел во двор покурить. Вечер был безветренным и тихим, в загоне скулили собаки, в воздухе вилась мошара, а голове крутилась одна единственная мысль: «Нафига это было нужно?».

Игорь отошел от остальных, вынул из кармана телефон, набрал номер и поднес к уху.

– Алло.

Невероятно, но в этой глуши была безупречная телефонная связь. Голос сестры звучал чисто, было слышно дыхание и даже шаги, как будто Катя шла по двору и обернулась на его оклик.

– Привет ученым России от животноводов Кавказа, – проскандировал он. – Как жизнь?

– Сейчас, подожди, я отойду, а то мама услышит.

Шаги ускорились, и хлопнула дверь.

– Алло? Что ты там говоришь про животноводов?

Игорь представил, как сестра села за заваленный книгами стол и поправила на носу очки.

– Как жизнь, говорю.

– Ну, может быть, не такая веселая, как у некоторых, но во всяком случае я не треплю нервы родне.

– Как в школе?

– Совсем спятил? Еще две недели каникул. Двадцать восьмого переключки. А тебя куда на этот раз занесло?

– На пленэр. Сено одному... – он хотел сказать «фермеру», но осекся, глядя на штабеля разрезанных автомобильных кузовов у стены сарая.

– ... одному предпринимателю помогаем собирать.

Слово «предприниматель» на самом деле тоже было неправильным. «Пункт приема металлолома», как называли здесь меж собой площадку, на которой разбирали машины, имел слишком узкую специализацию и слишком удаленную локацию. Машины, сданные в утиль, выглядели подозрительно свежо, а объяснения хозяина фермы по поводу своего второго имени (Ну, это в паспорте Михаил, а так Мурадин) – слишком натянуто. Еще неправильней было бы пугать правильными названиями сестру.

– Я думала, у тебя гастроли.

Сколько раз за сегодня Сэм произнес эту фразу? Андрей выдохнул и посчитал до пяти.

– Жизнь полна сюрпризов. Небольшие финансовые проблемы. Ну, ты помнишь, я тебе рассказывал. Иногда шаг назад – это тоже шаг вперед, при условии, что пока пятишься, ты ни во что не вляпаешься. Как там предки?

– А ты позвони им и спроси. Мама валерьянку ведрами пьет. Ты же обещал вернуться через три недели, а прошло четыре. Папа все время на балкон покурить выходит. Я тут, конечно, работаю над погодой в доме, но, знаешь ли, тучи все равно сгущаются.

После того, как Игорь отказался занять место юриста в «Горэнерго», которое с большим трудом пробил отец, во взаимоотношениях с родителями наступил очередной кризис. Свой новый номер телефона он не дал ни матери, ни отцу.

– Хватит дурить, Игорь. Возвращайся. Пока родители тебя искать не поехали. Ничего из этого не получится. Все равно вернешься.

«Все равно вернешься побитой собакой», – про себя закончил Игорь мысль сестры. Первоначальное намерение сбросить геолокацию фермы улетучилось как сигаретный дым на сквозняке.

– Ладно. Раз все нормально, тогда пока.

– Пока. Береги себя. Я серьезно.

Игорь не убирал телефон от уха до тех пор, пока она не сбросила вызов.

Мужики, кутившие у входа, разошлись, и ряд автокресел у стены напоминал фрагмент опустевшего кинозала. В загоне тихо поскуливали в ожидании свободы собаки, а из открытого окна общей комнаты доносился голос футбольного комментатора. Игорь поднялся, сделал два шага и заглянул за угол. Прямо перед ним и вполоборота к нему стоял Гаджи. «Я просто зашел отлить, а ты что подумал?», – мог бы сказать черкес, но вместо этого только вызывающе ухмыльнулся.

* * *

Ближе к ночи пришло письмо от сына. От звонков к письмам они перешли после того, как стали жить врозь. «Респект, папа», – написал Сашка. Андрей улыбнулся и, чтобы растянуть удовольствие, встал из-за стола и прошелся взад-вперед по комнате. Голова почти прошла.

«Если честно, я до самого конца не верил, что ты решишься. Горжусь, но молчу. Маме ни слова, как ты и просил. Нашел этот твой Мамырский на карте. Хренова (прости меня) глушь».

Перед отъездом Андрей сбросил Саше ссылку на объявление, за которой следовал знак вопроса. Благословение от сына – такое тоже бывает.

Саша написал про отдых на море, про желудок членкора (в сентябре пойдет на биопсию) и про грядущий турнир на кубок Льва Яшина. Прошлый турнир Андрей пропустил, а на поза-

прошлом Саша с лету врезался в штангу, у него треснул зуб, и вдвоем с Ленкой, перепугавшись, они помчались к стоматологу.

«Удачи тебе. Уверен, что все получится. А еще... Не знаю, как бы это поделикатней сказать. Не бухай, в общем. Обстановка-то, как ни крути, располагает».

Андрей посмотрел на ряд пустых бутылок на подоконнике и немного скривился.

«Еще раз – очень рад, что ты вырвался, и очень горжусь тобой. Ты самый лучший».

В письме сыну Андрей рассказал про странную хозяйку фермы и ее спятившую мать, про деревянные ложки и «вдруг выпрыгнувшую из чата» Кислову Сарият Мухтаровну. Все с юмором. Про телемертвецов писать не стал, чтобы не дискредитировать себя сопутствующими обстоятельствами.

«С утра ходил на экскурсию в «город хетов». Огромный древний мост и еще дольмены на другом берегу есть, но сегодня я до них не дошел. (Фотки прилагаю). Атмосфера – обалдеть. Как будто тебя в сказку запихнули. Помнишь у тебя книжка была «Сказки мира»? Какая там самая мрачная и страшная история была? Вот в нее.

Завтра с утра приступаю к работе. Земля так себе, но вполне годная – бурьян на ней растет будь здоров. Ты уже выбрал себе смартфон? До урожая осталось совсем недолго. Всего-то: вспахать, посеять, вырастить и убрать».

Он снова встал и снова прошелся по комнате. Шаг стал тверже.

Какая глупость отпраляться куда-то на поиски точки опоры. Нет. Ты приехал сюда не за этим. Только для того, чтобы немного подзаработать. А точка опоры у тебя другая. Она была, есть и будет. Такая крепкая и неподвижная, что Архимеду и не снилась.

Прежде чем отправить письмо, он перечитал его еще раз. Стер свое имя, которым подписался в конце, и вместо «Андрей» написал «Отец».

* * *

Что-то больно толкнуло его в бок. Игорь открыл глаза и в полумраке комнаты увидел черный силуэт, который склонялся к нему все ниже и ниже, как для поцелуя.

– Пойдем, – прошептал хриплый голос, и в нос ударил запах мочи и лука.

Игорь глубоко вдохнул, чтобы ответить (или закричать), но в то же мгновение невидимые в темноте тонкие сухие пальцы паучьими лапами пробежали по лицу и зажали рот.

– Тс-с-с. Не дури. Пойдем.

Несколько секунд спустя пальцы исчезли, но страх и ощущение бессилия остались.

– Давай. Давай, – позвал голос уже откуда-то от двери.

В столовой было накурено. Шумел холодильник, а яркий свет резал глаза. Дед был одет в ту же майку с растянутым до груди горлом и драные вельветовые штаны, в которых был за ужином. Ухо его почернело еще сильнее, и, кажется, должно было в итоге высохнуть или сгнить. Кроме деда в комнате не было никого.

– Садись, – он махнул рукой и сам взгромоздился на табурет.

Игорь обошел стол и сел на застеленный тряпками ящик, на котором сидел днем.

– Чай будешь?

Игорь отказался, покачав головой и приготовился к резкой смене тональности разговора. Похоже, подковырками на тему бороды и прически «прописка» не закончилась. Нужно было разбудить Сэма. Дед долго молчал, как будто не решаясь начать. Взгляд его метался из стороны в сторону, а пальцы нервно скребли щетину на подбородке.

– Тут такое дело. Телефон нужен.

Он вдруг резко повернулся и посмотрел на дверь. Никто не вошел. Игорь подумал, что ночное чаепитие – личная инициатива деда, и немного приободрился.

– И что? Мне он тоже нужен, – ответил Игорь.

– Мне позвонить.

Игорь развел руками, давая понять, что ему больше нечего добавить к уже сказанному. Дед подошел к кухонному шкафу, выдвинул ящик и достал из него нож.

– Э, ты че совсем уже?! – крикнул Игорь, подскочил на ноги и отступил к окну.

– Тс-с-с, тише. – Лицо у дела сжалось, как будто в него плеснули кислотой, – Мне бутерброд сделать, а ты что подумал?

– Какой тише? Да иди ты со своими бутербродами.

Путь к двери был отрезан, но между ними серьезным препятствием оставался стол. Дед покачал головой, открыл дверцу, зашуршал пакетом и выложил на столешницу четверть булки.

– Не нужно шуметь.

Он отрезал кусок и убрал нож и хлеб обратно в шкаф.

– Дай мне телефон.

Глаза у него заблестели болезненным блеском, а в уголках рта собралась слюна. Дед достал из кармана поломанную папиросу и сунул ее в рот. С горем пополам прикурил. Позабывший и никому не нужный кусок хлеба остался лежать на столешнице.

– Потом я тебе все объясню, а сейчас мне нужен твой телефон. Нужно звонить ментам.

– Зачем?

– Чтобы вытащили нас из этого дерьма – вот зачем. Это не просто ферма, если ты до сих пор не понял. Раскрой глаза и посмотри вокруг, пока не поздно. Вот, смотри.

Дед подошел к пакету с мусором, порывшись в нем и вытащил тонкую прозрачную трубку с иглой на конце.

– Фокус-покус. Что это? Правильно, капельница. А что за лекарство по ней текло? Вот сюда смотри – здесь лучше видно. Правильно, кровь. А теперь, вопрос. Зачем она здесь? Не знаешь? А там, за стеной, у Гаджи в столе, полный ящик телефонов. От таких идиотов как ты остались. Только я тебе показать их не могу. А если бы у меня ключ был бы – так я бы тебя и не будил. Там этих телефонов, блин, как в салоне связи.

Дед все сильнее размахивал руками и говорил так громко, что теперь и сам мог разбудить спящих. Из рта летела слюна. Сигарета вывалилась и опасно тлела на полу. Медицинская игла в кулаке хищно блестела.

– Но знаешь, что во всем этом самое страшное? А то, что они не люди. Понимаешь? Ну вот так. Натурально, – дед вытаращил глаза и развел руками, – Не люди. Не знаю, кто. Упыри или вампиры. Я в этих вещах не сильно разбираюсь. Раз в месяц, у них, как у баб, критические дни случаются. Вот тогда у них глаза черные становятся, как отработка в бочке за сараем. Хоть в жару, а всегда рубашку с длинным рукавом наденут, и морды от солнца прячут. В такие дни всегда из наших кто-то испаряется. Да что тут говорить. Посмотри вокруг. Резные стулья, хрустальные люстры, а на обувной ложке ручка из слоновой кости. Видел же, да? Тут же все, как у Дракулы в замке.

Дед поехал. Теперь это было совершенно очевидно. Игорь подумал про пальцы, которые зажимали рот, и про нож, который мог снова покинуть ящик. Дед не был ни пьяным, ни обкуренным. Он слетел с катушек, и поэтому сидел за столом особняком, и потому заработал у ухо. И это случилось с ним недавно. Судя по тому, что он продолжал спать в общей комнате, все остальные были еще не в курсе.

– Телефон. Дай мне свой телефон. Звонить ментам нужно прямо сейчас.

Впервые Игорь вдруг подумал, что это была очень неплохая идея, хотя она и пришла в голову деду довольно странным путем. И, может быть, такой звонок попутно решил бы и некоторые другие вопросы.

– Ладно, – собственный голос звучал удивительно холодно и спокойно, – Но только ты при мне позвонишь и вернешь телефон. Лады?

– Да, лады. Давай уже телефон. Куда ты там его спрятал?

В темноте спальни Игорь шарил под кроватью, щупал карманы грязных штанов и в щели между стеной и матрасом, хотя точно помнил, как положил телефон в карман сумки (но там он искал уже трижды). Пусть дед позвонит в полицию и поставил точку в этом параноидальном выезде на пленэр. И черт с ними, с этими деньгами и потерянным впустую днем. Если впереди их будет много, то один единственный день не решает ничего.

Но телефон все не находился. Дед сначала активно помогал, но через несколько минут тщетных поисков сел на кровать и тихо расплакался. Некоторое время спустя, растолкав Сэма, они обнаружили, что второй телефон тоже исчез.

* * *

Поселок Прогресс располагался в восемнадцати километрах от фермы, у дороги на Кисловодск. Такая же дыра, как и Мамырский, только русская, с действующим магазином и даже автозаправкой «Лукойл». Для Андрея свое название поселок полностью оправдывал.

Магазин назывался «Каштан». Некогда зеленый, а теперь облезший, средних размеров ларек, собранный из пластиковых панелей и окон, одновременно являлся еще и пивной. К фасаду примыкала летняя площадка из строительных поддонов, а наращенный широкий подоконник слева от входа служил барной стойкой. У подоконника стоял грузный мужик в мятом, засаленном на локтях пиджаке и рассматривал пену в пустой пивной кружке. В прошлом явно не грузчик. Похоже, как и Андрей, однажды свернув, он тоже двигался окольными путями, но отправился в путь на пару лет раньше.

– На разлив светлячок крафтовое, «Арсенальное» пластик или «Балтика» в стекле? – спросила девушка за прилавком, как только Андрей вошел внутрь, и приветливо улыбнулась.

Кривоватые передние зубы уничтожили большую часть очарования жеста, но оставшейся части было вполне достаточно для того, чтобы завоевать расположение покупателя.

– Читаете по глазам?

– Нет, по носам.

С чувством юмора дела явно обстояли лучше, чем с зубами.

– На носу устаревшие данные. Пива не нужно. А что вы улыбаетесь? Я вам серьезно. Пива не нужно. Взвесьте, пожалуйста, полкило сосисок «Ганноверских». Еще хлеба, молока и майонеза. Две пятилитровых бутылки воды. И две пачки печенья «Юбилейного».

– Ничего себе. Так вы купите весь магазин. Если хотите, можете получить карту vip-клиента. Но сначала нужно заполнить анкетку. Заходите на наш сайт в интернете. Вэ-вэ-вэ Мухосранский торговый центр точка ру.

Андрей рассмеялся. Перед выходом он искупался, переоделся и выбрызгал на себя полфлакона одеколона (после стирки у одежды появился неприятный рыбный запах). Весьма вероятно, что на данный момент он был первым щеголем в этих краях.

– «Юбилейное» злаковое или с шоколадом?

Она потянулась в холодильник за сосисками, и из-под рукава джинсовой рубашки выглянул край замысловатой цветной татуировки.

– Без шоколада.

– Понятно. С шоколадом в этом мире люблю только я. А вы у дяди Володи работаете? На лесопилке?

Глаза смотрели на Андрея, а руки складывали продукты в полиэтиленовый пакет.

– Нет. – Андрей сделал вид, как будто что-то стряхивает с плеча. – Опилки – это из ушей. У меня мозги, как у Винни Пуха. Извините, если намусорил.

Теперь рассмеялась она, и на этот раз улыбка показалась ему даже немного привлекательной. *Тебе сколько лет, парень? Если что, ей не больше двадцати пяти.*

– А где?

- На ферме в Мамырском.
- У Мурадина? – улыбка поблекла.
- Нет. Я не знаю, кто это такой. А почему я обязательно должен работать у кого-то?
- Вы купили ферму у Байрамуковой? – она спросила его таким тоном, будто он только что признался ей в нетрадиционной ориентации.
- Взял в аренду. Предложение, от которого невозможно было отказаться. А чему вы удивляетесь?
- Нет. Ничему, – она промахнулась майонезом мимо пакета. – С вас восемьсот сорок шесть рублей.
- Сдачу она только что не бросила через прилавок.
- В следующий раз вам не обязательно ехать сюда. В Советской тоже есть хороший магазин. Это на два километра ближе.

На языке завертелся встречный вопрос, а нет ли в Советской хорошего ортодонта, но он его, разумеется, не озвучил. Да и в общем-то, ему не сказали ничего оскорбительного. Не дожидаясь просьбы объясниться, продавщица развернулась и ушла в подсобку. Позже, за ужином, Андрей решил, что у нее с хозяевами фермы какие-то личные счеты, но так и не смог понять, при чем тут он.

* * *

За неделю Андрей немного пообжился: починил сливной бачок на унитазе, подтянул дверцы на шкафу, заправил газовый баллон и поменял тусклые шестидесятиваттные лампочки на сотки, но главное – привык к копошению крыс за стеной и огромному безлюдному пространству вокруг. К чему он не смог привыкнуть – так это к воде. Приобретенный в станице Советской фильтр-кувшин решал проблему с питьевой водой, а купаться было по-прежнему противно.

– Ты зачем такой капризный? Вода как вода.

Он позвонил Зуриде узнать, что находится выше по течению, но трубку подняла не она.

– Горы там находятся. А в горах гуляет Всевышний. И он не любит слишком привередливых и слишком дотошных.

Общее отношение было недружелюбным, и наблюдение касалось не только старика с коровами, старухи или продавщицы, в станице люд тоже оказался молчаливый и смурной. Как и аул, станица балансировала на грани вымирания. Особенно в глаза бросалось отсутствие детей. Максимальное скопление людей, около двадцати человек, Андрей отметил однажды вечером у дороги. Людей в оранжевых жилетах он принял за дорожников, несмотря на то что рядом не было ни катков, ни грузовиков, ни асфальтоукладчиков.

Вечерами Андрей жег мусор на бетонном пятачке между домом и кошарой. Перед сном переписывался с сыном, читал новости и пил чай. Так прошли семь дней, а руки так и не дошли до той работы, ради которой он сюда приехал. Телевизор он почти не смотрел и тем более не оставлял его включенным на ночь.

Люди в жилетах, которых видел Андрей, были волонтерами. Они искали молодую пару из Ростова, которая отправилась на отдых в Кисловодск на автомобиле по самому короткому пути. Начни они искать на несколько часов раньше, и поиски обязательно бы принесли плоды, а так машину уже перегнали с места на место, разобрали и попилили кузов на металлолом.

За холмом, куда вела грунтовая дорога, по которой Андрей никогда не ездил (да и не мог ездить, поскольку глубина колеи была критической для пузотерки, вроде Авенсиса), два молодых человека, обманом вывезенные из города, продолжали заготавливать сено.

После исчезновения телефонов и документов (паспорта тоже пропали) Сэм заметно приуныл. Стал курить одну за другой и повторять по сто раз на день «писец». Истрепанное смешное словечко утратило остатки позитива и звучало обреченней, чем табуированный оригинал.

– Не верю я ни в вурдалаков, ни в упырей. Писец, блин, сказочник. Это он телефоны и дернул.

В пользу своей версии Сэм каждый раз выдвигал один и тот же весьма спорный аргумент: дед исчез с фермы тем же утром и больше не появлялся.

Все их коллеги оказались в недавнем прошлом бомжами, и все, за исключением Гоши, который батрачил на черкесов третий год, устроились на работу в августе.

Каждый день начинался с бараньего бляенья ровно без пятнадцати семь. Биоходики в безмозглых кучерявых головах не уступали в точности атомным часам в Палате мер и весов. Умывание. Завтрак. Потом наступала жара. Сопли от сена. Визг болгарок на ферме. Едкий дым хозяйской «Примы» (свой «Винстон» давно закончился). Помои на завтрак, обед и ужин. И тяжелые мысли по поводу собственных перспектив.

Игорь не знал, чему верить, но разномастные окурки в пыли под деревом, дробные заправки трактора и строгий запрет на кормление собак волей-неволей складывались в безотрадную картину. Он больше не брал с собой на работу ханг, а когда уезжал трактор, поднимался на Сиську Сабрины (так меж собой здесь называли самый высокий холм) и смотрел вдаль. Вокруг до самого горизонта простирались выжженные солнцем коричневые холмы.

* * *

– Ты вкусно кушать хочешь! Спать в кровати хочешь! А работать не хочешь!

Впервые за все время пребывания на ферме Игоря разбудили не овцы. Голос Мурадина дрожал от злобы. Игорь подошел к окну, попробовал заглянуть как можно левее, но, даже упершись головой в стену, ничего не увидел. Денис и Левшорукий мирно спали на своих местах, сквозь щель между занавесями в балдахине виднелись волосатые ноги Гоши, остальные кровати были пусты. Распахнулась дверь, и в комнату вошел голый по пояс Жидков с полотенцем на плече.

– Слышал? Там твоему саксофонисту начальство мозги вправляет.

Игорь торопливо надел штаны и быстрым шагом направился к выходу.

Две длинных черных тени были видны намного лучше, чем фигуры в лучах восходящего солнца в середине двора. Чуть поодаль, слева от Сэма и Мурадина, стоял внедорожник с открытым багажником, из которого Ильяс выгружал очередную партию странных вещей для сумасшедшего интерьера.

– Ты зачем со мной так разговариваешь, сопляк? Ты вообще кто такой? Чего хочешь?

Одна из теней непрерывно шевелилась, качалась и меняла форму. Другая застыла. Игорь прибавил шаг, чтобы оказаться с товарищем раньше, чем он ответит. Кроссовки проваливались в мягкую пыль и проскальзывали, как будто земля под ногами вдруг приняла сторону хозяина.

– Ничего. Я только спросил.

Сэм не заметил Игоря, у него мелко дрожали губы и кончики пальцев на правой руке, которую он нелепо протянул вперед. Изначально утвердительный жест превратился в просьбу о милостыни. Игорь хлопнул товарища по плечу, но тот не обернулся, как будто вместе со зрением потерял и чувствительность.

– А я тебе уже ответил. Пятнадцать телег за неделю – это не работа. Мы так не договаривались. Ты корм для животных заготавливаешь или на дудочке играешь?

Обвинительная интонация давила сильнее слов. Солнце, как и земля, тоже переметнулось на сторону черкеса, сколько не шурился Игорь, но так и не смог разглядеть лица Мурадина.

Хозяин фермы стоял в лучах восходящего солнца, как Бог, каким его рисовали на древних фресках.

– А что случилось-то? – попробовал стряхнуть с себя трусливое онемение Игорь.

– Что случилось? Это ты у него спроси, что случилось. Твой кунак слишком много о себе думает, вот что случилось.

– Я только спросил, когда мы можем уехать домой.

– Так не спрашивают. Другие работают. Понимают положение. Понимают, что овечке что-то зимой кушать надо. А ты самый умный? На горло хочешь мне наступить?

– Но вы обещали до субботы...

Это унижительное «вы» в ответ на ругань сработало, как пусковой крючок. Мурадин с размаха ударил Сэма ладонью по щеке. Не очень сильно – важен был сам факт. Стоявший у машины Гаджи, бросил на землю свернутый ковер и достал из багажника молоток с длинной ручкой. Сэм оборвался на полуслове. Поднял руку и вместо того, чтобы сжать ее в кулак, потер ладонью покрасневшую щеку. Мурадин торопился дожать словами.

– Если ты еще раз, сука, заговоришь со мной про деньги, я тебе башку откручу. Понял? Прямо за кошарой. Что молчишь? Ты меня понял или нет? Чмо перекатное. А теперь дергай на хрен отсюда, чтобы глаза мои тебя больше не видели. Иди, работай.

– Да, понял, – чуть слышно прошептал Сэм в ответ.

Игорь почувствовал, что не дышит. Время на то, чтобы заступиться за Сэма, ударить или хотя бы что-то сказать в ответ, утекало, как вода. Не в песок, а в эту самую пыль, принявшую сторону черкеса. И вот уже было поздно что-то говорить или делать, унижение было принято, а страх перед новым ударом крепко зажимал руки и язык.

У покрышки перед входом появились Денис, Левшорукий и Гоша. Задымили сигареты. До этого дня никто никогда не курил перед завтраком. Игоря мелко трясло. Во рту пересохло.

– Э, братан, – Мурадин повернулся к Гаджи, – когда они закончат с сеном, пусть идут на говно. И не хрен с ними нянчиться.

Гаджи кивнул и показал поднятый вверх большой палец.

– Валите на хату, очкососы. И чтобы я больше такой херни от вас не слышал.

Сэм развернулся и медленно побрел к барaku. Игорь молча последовал за ним.

* * *

В первый раз Андрей увидел трактор на фотографиях, которые присылала хозяйка фермы, во второй – во время «обзорной экскурсии», а позже еще несколько раз приобретение мельком попадалось ему на глаза. Но по-настоящему они познакомились в воскресенье. Переодевшись в грязное и нацепив на руки прорезиненные перчатки, Андрей вышел на задний двор и остановился перед ржавой помятой машиной, которая тоже оценивающе смотрела на него мутным взглядом запыленного лобового стекла.

Часом раньше он позвонил Зуриде.

– Документы? – на этот раз ему ответила именно Зурида, – Ну, я даже не знаю, нужно будет посмотреть в бумажках. А зачем они вам? Вы же не в Москву собрались, а на поле у вас никто документы не спросит.

Правое заднее колесо было спущено, сквозь трещины во всех четырех покрышках виднелись белесые камеры, на луже под двигателем (туда придется лечь) ядовитыми разноцветными кругами переливала масляная пленка. С вечера он приготовился чинить колесо – посмотрел ролик на Ю-тубе и отыскал в сарае домкрат. Но. Прежде чем снимать колесо, следовало исключить золотник, а для этого нужно было накачать колесо, а для этого нужен был компрессор, который работает от двигателя.

Приборная панель, рычаги и кресло – все было покрыто толстым слоем пыли. В двери лежали завернутые в грязную тряпку гаечные ключи и небольшая кувалда. В бардачке не было документов, но лежала мягкая фотография: Зурида с мужем и сыном. Фото было сделано у входной двери и, в общем-то, ставило крест на всех его подозрениях и размышлениях на тему второсортных жуликов. Под приборной панелью торчал ключ.

Прежде, чем попробовать завести, Андрей на несколько секунд замер. Хорошо было бы прочитать молитву и перекреститься, но с первым были серьезные проблемы, а второе, кажется, плохо работало без первого. Андрей скривился и повернул ключ.

Ничего. Абсолютно ничего.

Аккумулятор на двадцать четыре вольта не прикуришь от машины, но все равно дай бог, чтобы это был аккумулятор, потому что, если причина не в нем, не в топливе и не в стартере, дело дрянь. Уровня подготовки «домашних дел мастер» тут будет явно недостаточно, и никакой слесарь ни за какие деньги не поедет в эту Тьмутаракань, а сам он не сможет ни отвезти трактор в мастерскую, ни снять двигатель (или что там еще может у него поломаться).

Спокойно. Спокойно.

– Нет, ну, я тебе удивляюсь, – Андрей улыбнулся себе и потер лоб. – Не голова, а дуршлаг.

Он пошарил под приборной доской, потом вокруг сиденья и под ним, и в итоге нашел крупный черный переключатель. Крутнул флажок и стрелки на приборной доске вздрогнули. Масса. А вот теперь можно и заново повернуть ключ.

Господи Иисусе, помоги рабу своему запустить эту колымагу...

Выхлоп был черноватым, но в целом двигатель работал ровно.

С колесом ему повезло меньше. Не золотник. Три гайки Андрей скрутил в течение пятнадцати минут, четвертая уперлась. Он сходил в сарай, отыскал подходящий кусок трубы, вернулся и поломал баллонный ключ. Потом была поездка за новым ключом, жидкостью «ВД-сорок» и камерой в магазин сельхозтехники «Бычок» в Эссентуки. Попытка растворить ржавчину на резьбе. Разогревание паяльной лампой. И сотни попыток повернуть ключ. Глухо. Дома, в Саратове, ему виделась изнурительная тряска в кабине, жара и пыль, но он и представить себе не мог, что большую часть времени может провести даже не в кабине трактора, а на земле рядом с ним.

К обеду третьего дня он решил, что сломает шпильку. К чертовой матери, если не останется ничего другого. Но гайка поддалась. Не сдалась, а именно поддалась. Как будто ее задача – заставить Андрея почувствовать себя беспомощным и слабым – теперь была выполнена.

* * *

– Их, может быть, и сольют. Не спорю. Не знаю. Все возможно. Но не нас. Мы же не бомжи, понимаешь? И они, чуркмесы, тоже должны это понимать. Если что случится, нас же искать будут. Я с Катькой разговаривал, ты с паханом. Без точного почтового адреса, ну, так он и не нужен. Ментам этот концлагерь найти как за водкой съездить. У них на серверах за несколько месяцев все разговоры и вся геолокация по каждому телефону расписана. Только коснись – все наружу вылезет. А чурки нас тут держат, потому что наконец скумекали, что лоханулись, и не могут решить, что делать дальше. Не знают, как исправить ошибку. Но трогать нас они не будут. Это я тебе точно говорю. Они подонки, но не идиоты.

* * *

Участок располагался на холме. При движении вдоль склона датчик температуры превращался в адский таймер, отсчитывающий последние минуты жизни двигателя, а при движении поперек – борона зарывалась с одной стороны и поднималась над землей с другой. Андрей

взял диагональ и часто оборачивался, оценивая результаты работы, а потому не заметил, как к краю поля подъехал потрепанный белый внедорожник. Рядом с машиной стоял лысый черкес с широкой бородой и ковырял носком ботинка в земле. Незнакомое лицо вполне могло представлять интересы кого-то из бывших компаньонов. Не обязательно, но могло. Новая симкарта – это еще не шапка-невидимка.

– Салам алей кум, – поздоровался черкес.

– Добрый день, – Андрей вытер руку о штанину и протянул руку.

Вялое рукопожатие и острый взгляд – довольно неприятное сочетание. В лобовом стекле джипа отражался трактор и поле. Карпов ни разу не угрожал, но у него были длинные руки, сицилийский характер и полная уверенность в том, что деньги нужно спрашивать с Андрея, а не с маслозавода.

– Как дела? – черкес кивнул на вспаханную полосу.

– Потихоньку.

Так же потихоньку, как кое-кто движется к истинной теме разговора.

Отвернувшись, Андрей сморкнулся. От пыли в носу как будто открылся кран, и сопли потекли рекой.

– Зря ты это делаешь, – человек выковырнул носком ботинка из земли крупный глыш и подтолкнул его к Андрею. – Здесь на камнях только амброзия хорошо растет, а семечка не растет, и пшеница тоже не растет. Казбек сто раз пробовал. До него Ибрагим пробовал. До Ибрагима Столяров пробовал – был такой управляющий отделением при совхозе. Дважды герой социалистического труда. Бесплезно. Толку ноль. Ближе к дороге надо брать.

На солнце набежала туча, и стекло в машине перестало бликовать. Внутри никого не было.

– Понятно. Ну, я подумаю над этим, – ответил Андрей.

– Подумаешь? По глазам вижу, что не подумаешь. Сам попробовать хочешь.

Черкес широко улыбнулся и снова протянул руку.

– Я из аула. Тоже фермер. Мурадин зовут. Ехал мимо, слышу, трактор работает. Тут у нас очень хорошо слышно. И что надо слышно, и что не надо. Смотрю, ты тут камешки ворочаешь, дай, думаю, подъеду.

– Андрей.

– Откуда ты к нам, Андрей?

– Из Саратова.

– О, из Саратова. У меня там кунак живет. Анзор Гатиев. На железной дороге работает. Не знаешь такого? Ну, да, со всеми знаком не будешь. Саратов не Мамырский, все-таки. А ты тут как? Работаете или за хозяина?

– Арендатор.

Скупые ответы и заведенный трактор несколько не смущали нового знакомого. Он никуда не торопился, и, казалось, мог задавать вопросы вечно.

– Ясно. Сначала она мне фазенду продать хотела. Хорошая, между прочим, ферма. До ста голов вместиться может. Но сейчас у меня не те времена, чтобы расширяться. И что она за аренду взяла, если, конечно, не секрет?

– Две тысячи двести рублей за гектар.

– Две тысячи двести рублей за гектар!? А деньги уже отдал? Давай заберем. Хочешь, я тебе в два раза больше земли за те же деньги дам? Вот, тут же, за Советской. Тоже пастбища при совхозе были. Но земля. А здесь же камень на камне. И место, так сказать с душком. Из местных никто бы и даром не взял.

– Да нет. Я уже договорился.

– Ну, договорился, а потом передумал. Это что, преступление какое-то?

– Да, нет. Не надо. Здесь буду работать.

– Зря. Зря. Ну, смотри сам. Как хочешь. Ладно. Я поеду, а ты, если желание будет, заходи в гости. По-соседски. Дом с этого края, ближе к реке, из желтого кирпича с балконом. И телефон запиши. Позвони, когда ягнят брать будешь. Я тебе такую цену сделаю – никто другой не сделает. И сена, если нужно будет, тоже сделаю.

Сказать черкесу, что он не планирует животноводческую программу, означало еще на неопределенный срок затянуть разговор. Андрей подумал про стрелку датчика температуры. Так долго без присмотра она еще не оставалась.

– Пишу.

Он достал из кармана телефон и вбил в контакты номер, по которому в будущем позвонит еще не раз.

* * *

Все трое храпели. Гоша, Левшорукий и Жидков.

– Они нас...

Голос Сэма сломался в четвертый раз за разговор. В секунду тишины, когда все трое вдруг одновременно задержали дыхание между выдохом и вдохом, Игорь услышал, как Сэм проглатывает подкативший к горлу ком.

– Они нас...

И снова он не смог произнести вслух то, что крутилось в голове с утра до ночи.

– Ты про черкесов?

– Да. Про кого же еще? Про этого педика, что ли?

Гошу он ненавидел еще больше, чем хозяев. От Сэма стало сильно вонять куревом, даже после душа. Первые ночи после переезда на ферму они спали ногами друг к другу, но после того, как Мурадин тогда во дворе расставил точки над «и», не сговариваясь, развернулись головами.

– Брось. Выкрутимся.

– Какие же мы дураки, Игорь. Сами уехали из дома. И даже когда прижало, не вернулись. Сами сели к нему в машину. Как бараны, Игорь. И мы, и эти бомжи с нами. Ничем мы не лучше баранов за стеной. Мне очково, Игорь. Третью ночь заснуть не могу.

Сэм рассказал, как днем разговаривал с Левшоруким. Предлагал убежать вместе, на тракторе. Левшорукий послал его подальше. После унижительного разговора во дворе, Левшорукий стал разговаривать по-другому, коротко и свысока.

– Отвечаю. Мы что-нибудь придумаем.

– Что мы придумаем, Игорь? Если бы мы могли что-то придумать, то уже бы придумали. И я буду первым. Сто процентов первым. Вижу, как на меня эта сука черножопая смотрит. Зачем мы сюда поехали, Игорь? Господи, черт, ну, зачем?

– Выкрутимся.

– Нет. Теперь уже точно нет.

* * *

День за днем Андрей проводил в поле. Полоса взрыхленной, очищенной от сорняков земли расширилась до середины участка и продолжала расти. Каждое утро, прежде чем повернуть ключ в замке зажигания, Андрей повторял слова, произнесенные перед первым стартом.

Камни попадались все чаще, но он продолжал двигаться к реке до тех пор, пока не порвал два диска. Шесть тысяч рублей, переданных в кассу «Минераловодской сельскохозяйственной техники» и восемь часов ремонта заставили его всерьез задуматься над словами фермера-соседа. А над тем, о чем сосед промолчал, немного позже Андрей задумался еще сильнее.

На четвертый день работы в поле Андрей сообразил, что заросли бурьяна скрывают не стерню, а поваленные кукурузные стебли, и полусгнившие початки, которые он изначально принимал за потери при уборке, на самом деле являются урожаем. В тот же день он обнаружил первый труп барана. Торчавший из земли предмет был похож на рулон светлого коврового материала, рядом с ним валялись несколько клочков, вырванных бороной, и что-то еще. Это оказалось овечье копыто.

Сосед мог не знать про мертвую отару в бурьянах, но не мог не заметить неубранное поле. Было что-то, о чем ни он, ни Зурида не хотели говорить. Что-то из-за чего взбесилась старуха у нотариуса. Пока трактор не ломается, у тракториста остается довольно много времени для всяких размышлений.

В четверг он отцепил борону. На тракторной телеге, стоявшей за двором, оказалось оторвано дышло, и в качестве кузова Андрею пришлось использовать бункер навесного разбрасывателя удобрений. Трупы животных он свез в овраг на край поля у реки. Мысль о том, что причиной смерти могла быть зараза вроде ящура или сибирской язвы, пришла только вечером, когда думать об этом было уже поздно.

Погода стояла прекрасная, и казалось, теплые дни не закончатся никогда. Раз в два-три дня Андрей ездил за покупками в Советскую. Здравствуйте. Спасибо. До свидания. Бабка-продащица была полной противоположностью своей коллеги из Прогресса вплоть до безупречно ровных вставных зубов. Разговоры Андрея с самим собой стали обычным делом.

Трактор работал как часики. После истории с колесом из самоходного механизма и средства производства он превратился в тотем. Сначала в шутку, как это обычно бывает. Андрей смотрел, как сминается бурьян под капотом и прокручивал в голове снова и снова странные события и странные обстоятельства, связанные с переездом.

К полудню в работе обнаруживались гипнотические свойства. Андрей вдруг начинал чувствовать себя как за рулем во время снегопада. Небольшие провалы во времени и эпизодическая дезориентация в пространстве. Все из-за кругов. Чем шире становился участок обработанной земли, тем больше траектория движения трактора напоминала кольцо.

Странные события и странные обстоятельства имели выраженную мрачную тональность, которая не могла не передаваться Андрею. Иногда ему казалось, что в его действиях, как и в утренних обращениях к трактору больше смысла, чем он вкладывает в них сам. Что он невольно выполняет какой-то древний ритуал. Что холм, на котором он работает, это курган, и все что он делает, он делает по воле того, кто там похоронен.

* * *

Тууууонг.

Грязная исцарапанная ладонь шлепает по разогретому металлу, и звук выходит тоже грязный. Кто-то, теперь уже невозможно понять, кто, да это и неважно, наступил на ханг и смял его. Инструмент не строит, если эту гнутую жестянку в его руках можно назвать инструментом. Таз. Гнутый медный таз. Звучит так же, как выглядит. И сам Игорь больше не Повелитель Стихий и Мыслей, а грязный, усталый и запуганный раб, ожидающий расправы.

Туууонг.

Солнце в самом зените, его лучи прошивают жидкую листву ивы и жгут тело. Шея чешется. К спине прилипла сухая трава. Пот струйками стекает со лба вниз по щекам и падает в пыль, в которой покоятся следы тех, кто здесь был. Тех, кто никогда нигде уже не будет.

Левшорукий сдал Сэма. Думает, что это его спасет. Он сдал и Михалыча. Или не он. Или какая разница. Какая на хрен разница.

Ты обещал вернуться через три недели, а прошло уже одиннадцать. У мамы заканчивается валерьянка, Игорь.

Тууонг.

После того ночного разговора Сэма перевели на чистку яслей. Тот, кто храпит, не обязательно спит. Это открытие стоило Сэму очень дорого, и он так и не успел воспользоваться им. В обед Сэм ничего не ел, а Ильяс ему не подкладывал.

– Чисто физически убирать говно легче, чем собирать сено. Но такое ощущение, как на вокзале. Как будто вот-вот должен прийти поезд.

Теперь Сэм говорит шепотом. Но теперь это уже не имеет никакого значения.

Туууоонг.

Грязные необрезанные ногти царапают металл. По каменному блоку, на котором обычно сидел Сэм, муравьи тащат мертвую ящерку. Ветка, которой Сэм ковырял в пыли, лежит тут же, рядом с блоком. Чуть слышно шумят листья ивы. Инструмента нет, друга нет, сил нет, и надежды почти тоже.

Поезд, которого Сэм ждал, пришел под вечер.

– Я отдал ему бакшиш, и он отчалил, – сказал Михаил, или Мурадин, или как там его на самом деле. – Он сказал, что ты и без него справишься, а там смотри, разбирайтесь сами. Но с вас еще двенадцать телег.

Глаза у Мурадина были черные, как отработанное масло, а лицо чуть бледнее обычного. Игорь представил, как Сэм покорно забирается внутрь. Не в поезд, конечно, это был автомобиль.

Что толку спорить? Врезать? Хуки и апперкоты не проходят музыкальной школе. Игорь попытался перевести все в шутку. Трижды повторил: «Нет, а серьезно?» – и, ничего не добившись, отправился в барак спать. Всю ночь луна смотрела в окно и шептала: «Беги».

Тууоонг.

Проснись. Где-то за холмом, на ферме, блеют бараны и шумит трактор. Легкий ветер шевелит сухим бурьяном на краю балки. Мир проступает сквозь стену глухоты и слепоты, которая выросла сама собой после исчезновения друга.

Очень скоро тот поезд, который подобрал Сэма, придет и за тобой.

Бежать. Скорее. Пока не вернулся Левшорукий. Пока жара не выпила остатки сил.

Рука, замахнувшись, замирает в нескольких сантиметрах от барабана. Ритм сбивается.

И куда ты сможешь дойти? До следующего холма? Или может даже до четвертого холма от Сиськи Сабрины. Но не дальше. Ты не знаешь даже, в какую сторону идти. Единственная возможность куда-то выйти – это идти по дороге. То есть вернуться к ферме. Они даже не поедут тебя искать. Вернешься сам, когда начнешь подыхать от жары и жажды.

Тууоонг.

Листья на иве зашумели еще громче. Как будто приближался ураган. И между порывами ветра, когда листва стихала, была отчетливо слышна флейта.

* * *

Что-то разбудило Андрея посреди ночи, и четкое осознание постороннего вмешательства вмиг развеяло остатки сна. Он перевернулся на другой бок и посмотрел в окно сквозь широкую щель между занавесками. До рассвета было еще далеко. Лампа над порогом тускло освещала часть двора перед домом, машину и четыре пакета с мусором на границе участка, которые он собирался сжечь. В тишине ветер чуть слышно шелестел целлофаном.

Крысы. Большие некому. Опрокинули что-то на кухне.

Андрей прислушался. Шелест пакетов. Шум ветра. Как будто даже стук колес поезда где-то за Прогрессом. Звуки в долине и прежде разносились очень далеко, но после того, как деревья сбросили листву, мир как будто сжался. Андрей снова подумал про крыс, когда вдруг громкий крик разорвал тишину.

– Не надо!

Казалось, будто человек (мужчина или подросток, но точно не женщина) стоит прямо за стеной. Андрей подскочил с кровати и подошел к окну.

В учебнике по «Окружающему миру» за четвертый класс было написано, что в ясную погоду горящая спичка видна за десять километров. Фары горели ярче тысячи спичек. Два мертвых глаза. Как будто скелет с фонарем, вставленным в череп, стоял на краю поля и таращился в окно.

– Кто-нибудь! Помогите! Прошу!

Крик оборвался. Воображаемый ботинок со всего маха врезался в лицо воображаемой жертве, стоявшей на коленях со связанными за спиной руками. Человек повалился на бок и захлебнулся кровью.

Андрей отступил и наткнулся на стул. Воспоминания о ночи в компании призраков мгновенно наполнили голову. Но тогда страх был другим. Андрей был пьян, и все происходящее было похоже на сон. А сейчас все просто звенело от реальности.

– Отпустите! Пожалуйста! Я никому ничего не скажу!

Андрей подумал про мертвых овец, разбросанных по полю. Возможно, однажды ночью, прежде чем покинуть кошару, они тоже что-то слышали. Но невозможно же дальше стоять и ничего не делать. Не тот случай, когда можно ускорить шаг или перейти на другую сторону улицы, чтобы остаться в стороне.

Он нащупал на тумбочке телефон и разблокировал экран. Сто двенадцать. Кажется, так, если с мобильного. Нажал единицу и замер.

Сколько они будут ехать? В любом случае, намного дольше, чем он будет идти. Если он собирается это сделать.

Там, в ауле, тоже есть люди. Немного, но они есть. И от аула до моста ближе, чем от моста до фермы. А я не Брюс Ли и не Чак Норрис. О Господи, лучше бы они сразу заткнули ему рот.

– Кто-нибудь! Помогите!

На самом деле было отчетливо слышно, что он уже ни на что не рассчитывает. Голос живого мертвеца, которому не поможет ни одна полиция и ни одна скорая помощь мира. Человек затих. Пару минут спустя желтые огни за окном задрожали. Скелет развернулся и медленно зашагал в сторону дороги.

Теперь тебе не нужно быть Чаком Норрисом.

Мысленно Андрей уже шел вдоль реки, прислушиваясь к шороху камней под ногами. По меньшей мере, избит. Возможно, ранен. Если он потеряет сознание, отыскать его в темноте будет непросто. Если вообще возможно. Телефон, ключи. На всякий случай нужно взять с собой что-то из сарая – вроде ключа на сорок два или черенка от лопаты. Куда подевался фонарь? Маленький китайский фонарик со светодиодами вместо лампы, который попадает под руку по сорок раз на день, когда не нужно?

На пол полетело содержимое кухонных ящиков.

Ладно. Забудь про фонарь. Есть телефон. И про машинную аптечку тоже забудь. Не строй из себя спасателя МЧС. Просто иди. Быстрей.

Он поднял с кресла майку и успел отыскать взглядом этикетку, чтобы не надеть задом наперед, прежде чем раздался еще один, самый громкий за эту ночь, последний крик. Вопль. В нем не было слов. Не было усталости и отчаяния. Только страх. Бесконечный, леденящий кровь ужас, не оставляющий сомнений в развязке. На несколько секунд Андрей застыл в центре комнаты с майкой в руке. А когда крик оборвался, бросил майку на пол, а сам медленно сел на диван.

* * *

Игорю приснилось, что он изворачивается и катается по земле, как сбитый машиной кот. Он проснулся и открыл глаза. Темнота вокруг была в белесо-серой паволоке, а светлый квадрат окна, который обычно был виден с кровати, исчез. Опершись на локоть, Игорь привстал. Что-то под ним затрещало, как куриные кости на зубах Саида, и легкий порыв ветра царапнул колючей веткой по щеке. Воспоминания зловонной требухой вдруг вывалились из распоротого живота черноты. Все за исключением тех последних, самых важных, и, кажется, самых отвратительных минут, которые могли бы прояснить ситуацию.

Качаясь, Игорь поднялся на ноги. Справа сквозь стволы деревьев проглядывала пустота. Игорь вспомнил, как они с Сэмом разглядывали карту, когда у них еще были телефоны. У подножья горы текла река, вдоль реки шла дорога. С реки в лес полз туман и холод. А слева, в лесу была абсолютная чернота, пробираться в которой можно было разве что на ощупь. Где-то в ней треснула ветка, и вдруг тут же рядом, на земле, в двух-трех шагах от Игоря, кто-то заворочался и закричал. Порыв ветра похожий на выдох курильщика еще плотнее накрыл туманом землю. На запястьях громко зашелестели обрывки скотча.

К реке. Нужно идти к реке.

Его качало, как с похмелья. Он слышал за спиной треск веток и шорох одежд. Иногда ему казалось, что за ним шли двое. Иногда – что не меньше десяти. Туман сквозь рот и нос забирался в голову и мешал думать. Туман становился все гуще и гуще. Снаружи и внутри.

В белой мгле он вдруг наткнулся на человека и сбил его с ног, когда тот вставал с земли.

– Э, аккуратней.

– О Господи. Извините.

Игорь помог ему подняться. Одна рука казалась втрое толще другой из-за оторванного рукава на пиджаке. В темных провалах невозможно было разглядеть глаз, но это лицо Игорь точно видел впервые. Всклоченные волосы, многодневная щетина и впалые щеки. Он выглядел очень усталым и даже больным.

– Извините, у вас не будет телефона?

– Смеешься? Или ты свеженький?

– В смысле?

Человек тихо рассмеялся и, не ответив, шагнул в туман. Игорь сделал два шага за ним следом, прежде чем остановился. На фоне светлой пустоты меж деревьями виднелись человеческие силуэты. Женские, мужские и детские. Их было много. Они удалялись и одновременно сходились. Такие же слабые и усталые, как незнакомец в рваном пиджаке. И как сам Игорь.

Лесная грунтовка превратилась в каменную мостовую и вывела его из тумана к дамбе. Разрушенные каменные лестницы, заросшие мхом, покосившиеся балясины и пустые пьедесталы от статуй. Все это он уже видел сегодня. Рука сама потянулась к макушке и нащупала влажное пятно. Тяжелый удар по голове стал жирной точкой в его последних воспоминаниях.

Там, где несколько часов назад черкесы бросили его на землю, собрались люди. На разбитых перилах, рядом с тем местом, куда Мурадин бросил мешок с какими-то железяками, сидел человек в строительной спецовке и ковырял палкой в потухшем очаге. Чуть поодаль от него, справа, женщина расчесывала волосы девочке, еще двое стояли у перил. Густые темные заросли за полянкой, судя по всему, означали конец пути.

– Извините, – обратился Игорь.

Человек перестал копать в золе и поднял голову.

– Стоп. Дай-ка я угадаю. Все началось с того, что ты выбрал самый короткий путь от Черкесска до Кисловодска.

– Нет.

- Тогда от Кисловодска до Черкесска.
- Послушайте...
- Или ты подцепил девчонку на дороге, и все получилось как нельзя лучше. А теперь ты хотел бы найти свою машину.
- Нет.
- Да ладно? Тогда ты тот самый парень, которого мы хотим послушать.
- У вас нет телефона? Пожалуйста. Мне нужно позвонить.
- Человек отодвинулся и похлопал по освободившемуся месту на камне.
- Давай. Садись. Мы тебя внимательно слушаем.
- Мне нужно позвонить. Правда. Реально серьезная история вышла.
- Тем более, что все так серьезно. Рассказывай. И не спеши. Времени у нас более, чем достаточно, желающих послушать, тоже. – Он хмыкнул и показал палкой в сторону леса.
- Из леса на дамбу продолжали выходить люди.
- Ладно, – Игорь сел и уставился на золу. – Хорошо. Я с другом приехал в Кисловодск на гастроли. Мы музыканты. И случайно оказались на ферме здесь неподалеку. Друга убили. Скорее всего убили, я точно не знаю. А я сбежал. Теперь можно позвонить?
- Ты плохо рассказал. – Человек постучал палкой по земле, – Так не годится. Давай сначала.
- Это какой-то сюр, блин. Вы что, прикалываетесь?
- Да, прикалываемся. Уматывай на хрен отсюда. Походи, погуляй в лесу, заодно и подумаешь. Как надумаешь – придешь. Как тебе такой приколы?
- Хватит издеваться! – возмутилась женщина в футболке и повернулась так, что Игорь смог прочесть надпись «Адидас». – Объясни ему, что случилось.
- Девочка испуганно схватила ее за руку и прижала к себе. Такая же синюшно-белая, как все остальные.
- Заткнись, – резко ответил человек у костра, – или уматывай с ним вместе. Здесь остаются только те, кому есть, что сказать.
- Женщина не ответила и прижала к себе девочку.
- Ну и ну? – Он снова обратился к Игорю. – Или все-таки прогуляешься?
- Ладно. – Игорь поднял руки, как боец, решивший сдаться в плен. – Я с другом поехал...
- Не надо. Начни с последнего вторника сентября.
- Почему?
- Остальное мы слышали.

* * *

Всю ночь на полу, в квадрате лунного света, медленно покачивалась тень тутовника. Под полом и за стеной копошились крысы. Корвалол плохо справлялся с угрызениями совести, и до чертиков хотелось выпить. Когда темнота за окном посерела и рассеялась так, что силуэт горы приобрел четкие границы, он встал с кровати, оделся и вышел во двор. Утро было пасмурным и холодным. Трава, щебень на дорожке, порог и пустая собачья будка – все было покрыто белесым налетом росы. Андрей вышел во двор, как будто без четкого намерения, но с надеждой на то, что оно появится.

– Попытка сохранить лицо, – так бы определил его состояние начальник сырьевого отдела Черезов и охотно взялся бы раскладывать душевные метания по полочкам.

Прикладная психология и развивающие тренинги – это была его стихия. Всякие точки невозврата, сдвиги рамок и мозговые штурмы. С ним Андрей тоже не рассчитался.

За полем, у оврага с мертвыми овцами, Андрей немного задержался. Намерение дойти до дамбы не стало тверже, напротив, возникло ощущение какой-то неправильности. То самое «мне сказали...», обычно предшествующее «... и свернул я».

У реки ветер был заметно слабее, чем в поле, и все же под куртку стоило поддеть свитер. Мокрые от конденсата ветки смыкались над головой сводом темного коридора. Солнце так и не вылезло из-за горизонта, и небо, затянутое тучами, светило бледно-серым светом. Аптечка. Тачка из коляски. Ключ на сорок два. Он не взял ничего из того, о чем думал ночью.

Большую часть пути он не слышал ничего, кроме шороха камней под ногами. Ни птиц, ни журчания воды, ни мычания коров из аула. Здесь было намного тише, чем во дворе или, тем более, в доме. Хотелось громко вскрикнуть, чтобы сбросить крадущуюся в голове пугливую настороженность. Ну и заповедник. Да тут все передохло миллион лет назад. Некоторое время спустя послышался шум падающей с дамбы воды.

Открывшийся на дамбу вид напоминал японскую гравюру. От воды поднимался туман. Он полностью скрывал основание дамбы и расплзался в стороны от реки под деревья. Редкие и слабые дуновения ветра то слегка подвигали туман ближе к стене, то отрывали клочок и перетаскивали его с места на место. По ступенькам, площадкам и мостовой, медленно, как сонные рыбы в холодной воде, бродили люди. В основном женщины и дети. В ночных рубашках, майках и шортах они выглядели жалко и беззащитно. Их можно было бы принять за пассажиров экстренно приземлившегося авиалайнера из Египта, если бы не молочно-белая кожа. Казалось, будто они прогуливаются здесь с лета.

И значит, уже были здесь, когда ночью кто-то кричал.

Маятник предположений вдруг качнулся в противоположную сторону. Мысль была неприятной, как острый камешек под ногой, который чувствуешь через подошву. *Фары отъезжающего автомобиля ничего не значат. Они не заткнули жертве рот, потому что им не от кого прятаться. И эти плавные движения очень похожи на танец.* Не двигаясь, он продолжал смотреть на дамбу. Влажный воздух холодными языками лизал лицо. Журчала вода в реке, и молчал лес. *Ритуальный танец. Такой же ритуал, как хороводные круги на тракторе или обращение к Богу перед пуском двигателя. И вполне возможно, что ты никакой не Спасатель. Что ты с ними заодно, но только пока этого не знаешь.*

* * *

– ...В тот вторник я в последний раз видел Сэма. Он был хорошим парнем и отличным музыкантом, мог такое соло завернуть, что по мороз по коже. Можете посмотреть на Ю-тубе. Хэштег «Семен Не Слепаков» в поиске звуков. Это я подбил его выдвинуться на эти дурацкие гастроли, а потом притащил его на ферму. Я сказал ему, что эти гастроли будут началом большого пути. И он мне поверил.

Игорь замолчал. От собственных слов стало еще холодней и неуютней. Именно эти слова он бы сказал на кладбище, на могиле Сэма.

– Когда я вернулся с сенокоса, Сэма на ферме не было. И позже, к ужину, он тоже не появился.

Мурадин выгружал какие-то шланги из багажника, когда Игорь спросил его про Сэма. «Сдрынул, как только бабки получил, собака. Твои тоже у него. Так что отработать надо. Потом с него спросишь, когда встретитесь». Рядом не было никого из черкесов, но Мурадин улыбался, как будто у него за спиной стояло войско. В тот момент они оба знали, что Сэм не сбежал, что не было никаких бабок и что не будет никакого потом.

– А что я мог сделать? Зарядить ему в нос? Сэму уже было все равно, а со мной они бы церемониться не стали. Хотя, конечно, в тот момент я ни о чем таком не думал. Да что тут говорить. Да, я струсил.

В голове как будто щелкнул тумблер, и он вдруг перестал думать про Сэма. Потому что следующим должен был стать он. Потому что у него оставалось совсем немного времени и нужно было что-то придумать.

– Я представлял, как незаметно рвану с сенокоса следом за трактором и спрячусь среди покрышек, а вечером, когда стемнеет, когда они устанут меня искать, но до того, как отпустят собак, побегу по дороге. Или, как ночью подкормлю собак остатками ужина, а сам выбегу из двери, сяду в трактор и буду ехать до тех пор, пока не кончится солярка.

Но планы так и остались планами. Мысли тяжело складывались, а когда ему наконец удавалось сдвинуться с мертвой точки, в дело вступал Великий Тик-Так. В голове таймер с обратным отсчетом днем и ночью отбивал секунды, и каждый его удар был как подземный толчок, рушащий все размышления и планы, как городскую застройку. Не выйдет. Забудь. Замри и слушай.

– Я перестал спать и есть и как будто наполовину ослеп и оглох. Не знаю, наверное, в психологии такому состоянию есть какое-то название. Вместо трех телег я делал одну, но черкесы ни разу не прицепились. Слова не сказали. И это молчание было намного хуже, чем поломанный нос.

В итоге он отчаялся что-то предпринять. Перестал думать о побеге и стал надеяться на чудесное спасение. На то, что вместо него черкесы пустят в расход Левшорукого на то, что на ферму нагрянет отряд полиции или по пути на работу опрокинется машина и черкесы погибнут в ДТП. В перерыве на сенокосе он разговаривал с окурками и бил в ханг. Молился. Но не тому богу, которому молятся в церкви. Игорь умолял Великого Тик-Така замолчать, остановить время и не приближать Смерть. Тик-Так оказался то ли глух, то ли непреклонен.

– Сегодня я вдруг отчетливо понял, что умру раньше, чем наступит ночь. Не поверите, но я вдруг успокоился.

Когда Мурадин открыл дверь машины и сказал: «Закончилась работа. Залезай. Поехали», я даже не спросил: «Куда?» Просто залез в машину. С огромным и непонятным облегчением.

В последний раз Великий Тик-Так ударил в свой барабан, когда мы остановились у реки и вылезли из машины. Они завязали мне руки скотчем...

Игорь оборвался. Справа, в нескольких шагах от него из темноты в пятно лунного света вышел человек. Игорь сразу узнал его по черному уху и широкой затылке, блестящей на луне.

– Ну, ты уже скумекал, да? – спросил дед. – Ошибся я насчет чурбанов со страху. Не упыри. Но в целом ситуацию оценил верно.

Рубаха на груди у деда оказалась залита кровью, а горло разорвано. Рана была настолько велика, что голова при движении заваливалась в правый бок. Мочой и луком от него стало вонять еще сильнее, чем при жизни.

* * *

Андрей вытащил из кармана вчерашний магазинный чек, который перед этим долго мямл, и бросил катышек в воду. По воде пошли круги. Он простоял достаточно долго для того, чтобы оказаться замеченным, но никто не окликнул его и даже не обернулся. Сонные рыбы в человеческом облике продолжали свои плавные (ритуальные) движения.

Будешь стоять здесь до Нового Года? От реки шел холод, и ветер как будто стал немного сильнее. Давай, вперед или назад. Но если назад, то зачем ты сюда вообще пришел? Какое же идиотское выражение «сохранить лицо», как будто придется содрать кожу и спрятать ее в карман.

Он подошел еще ближе к дамбе и сквозь шум падающей воды услышал знакомые звуки. Мелодия была другой, но набор инструментов более чем узнаваемый. Скоро к мелодии при-

соединился хор из детских голосов. На заросшей террасе на другом берегу три девочки семи-восьми лет и мальчишка чуть помладше с лохматой шевелюрой бегали друг за другом по кругу и пели.

*А парусник уплыл, оставив,
Стада слепых котят во мгле,
Никто их никогда не вспомнит,
Ни в небесах, ни на земле...*

Короткий порыв ветра подхватил и унес слова. Музыка пугающе точно ложилась на обстоятельства места и времени. Река, густой туман, дети. И эти медленные догонялки, больше похожие на жмурки. Как если бы дети сейчас пели о себе.

В углу террасы стояла женщина в майке и шортах с бледным и безучастным, как у манекена, лицом. Ее должно было трясти от холода, но вместо этого она медленно покачивалась из стороны в сторону и беззвучно шевелила губами, должно быть, подпевая детям. Перед глазами она держала руку, как будто разглядывала маникюр. Водная пыль кружилась в воздухе и холодной блестящей пленкой оседала на ее лице.

Ветер сильнее прижал туман к стене. На краю белой мглы появился человек. Он сидел на корточках у самой воды, одной рукой он прижимал к груди ребенка в грязной пижаме, другой зачерпывал воду из реки в пивную банку. Лицо у него было одновременно старое и молодое. И знакомое. Андрей сделал еще несколько шагов вперед и прочел на банке: «Джин-тоник. Энергия лета». Под надписью улыбалось губастое солнце в солнцезащитных очках.

Этот человек был не из Саратова, Андрей видел его где-то здесь, на Кавказе. В отличие от мелодии, которая по-прежнему иногда пробивалась сквозь шум водопада, быстро вспомнить, где и когда, не получалось. Человек поставил банку на камень и короткой палкой стал накладывать в нее грязь.

– Три ложки на сто пятьдесят миллилитров. Накрутил соску, взболтал, капнул себе на руку, чтобы не обжечь ребенка. – Голос показался незнакомым.

Когда человек взболтал банку и плеснул грязью себе на руку, дальнейшие намерения стали очевидны.

– Эй, что вы делаете? Что вы на хрен делаете?

Человек запрокинул голову ребенку и стал лить жижу ему на лицо, целясь в рот.

– Ешь, Тимурик, ешь. Не упрямясь.

– Стойте!

Где-то совсем рядом, в нескольких шагах от Андрея, в тумане раздался короткий смешок. Сквозь движущуюся белую поволоку Андрей вдруг увидел их всех. Они стояли у самого края белой мглы, и здесь, у воды, их было намного больше, чем на дамбе и террасах. Они стояли, медленно раскачиваясь. Плечом к плечу. *Давай руку. Займи свое место.* Музыка как будто стала громче, и следом за ней громче запел детский хор с той стороны реки.

– Ешь, Тимурик, ешь.

Ребенок подавился и закашлял. Легкое дуновение ветра, и Андрей увидел глаза тех, кто прятался в тумане. Как будто им под веки затолкали вареные перепелиные яйца. *Это не мой хоровод, сколько бы я ни ездил кругами на тракторе. Я не могу быть с ними заодно. Я живой.*

* * *

Игорь вспомнил, как рвущейся материей трещали ветки, когда он, изворачиваясь, продирался наружу. Плотнo сплетенные между собой, как стенка кокона. Теперь, когда он стал одним из них, он точно знал, кто сплел этот кокон. Но меньше всего эти люди вокруг были похожи на бабочек.

Игорь пощупал рану. Она оказалась намного глубже, чем казалось сначала. Палец полностью погрузился в дыру в голове и не достиг дна. Человек у потухшего костра, наблюдавший за ним все это время, покачал головой, отвечая на незаданный вопрос. Игорь с силой зажмурил глаза и открыл. Ничего не изменилось.

– Что они со мной сделали?

Человек кивнул на запруду перед плотиной. Игорь встал и подошел к перилам.

Лесное озеро светилось мягким зеленым светом. Далеко впереди, среди крон утонувших деревьев, из воды торчала высокая арка, сделанная из таких же блоков ракушечника, что и дамба. По обе стороны арки стояли статуи крылатых скелетов. В объездах левого, закрыв глаза, смиренно лежала женщина в длинном платье с изнеможенным лицом. Из рук правого пытался вырваться человек в изорванных средневековых доспехах. Вода была кристально чистой. Глубоко на дне Игорь увидел наполовину зарытый в ил и опрокинутый на бок пассажирский поезд. На вагонах было написано «Кисловодск-Москва», а из открытых окон выплывали огромные черные рыбы. За ним, как будто поезд, прежде чем опрокинуться, протаранил строение, темнели руины музыкальной школы. Он вспомнил безупречную акустику зала ожидания, чистые туалеты и мечты о большом успехе. Великий и могучий Тик-Так разрушил все. Носком кроссовка Игорь столкнул в воду камень, и по воде пошли круги. Круги изогнулись в улыбку.

– Помнишь, как тебе очень хотелось искупаться? – спросила вода. – А валерьянка-то у мамочки давно закончилась. Они даже не смогут похоронить тебя. Теперь ты купаешься вволю.

Вода рассмеялась, и от ее злого и звонкого голоса прилипшие к затылку волосы распрямились.

– Эй, – позвал другой голос из-за спины. – Держи.

Игорь повернулся. За спиной стоял дед и протягивал ханг. Инструмент был блестящий, ровный и гладкий, как в день покупки.

– И тебе хорошо, и мы послушаем. До утра-то еще далеко.

Игорь взял инструмент и сел на перила. Где-то в лесу, в темноте, запела флейта.

* * *

Дамба осталась далеко позади, но Андрей продолжал бежать изо всех сил, перепрыгивая через камни и коряги, по грязи и по воде. «Сохранить лицо» – фраза перестала что-то значить и перекачивалась в голове, как пивная бутылка по полу машины. Мокрые джинсы липли к ногам. Кроссовки проскальзывали, норовя вывернуть лодыжки. Дыхание сбилось.

Он оборачивался и видел, что позади никого нет, но продолжал бежать. Мелькали голые, как будто скрючившиеся от боли деревья. Ритмично шептали мелкие камни под ногами. Кристально чистая вода слепила отражением вдруг выглянувшего из-за облаков солнца.

Они могли следовать за ним по лесу. (Спотыкаются, падают, рвут на себе одежду и кожу, протыкают слепые глаза. Если только ветки и стволы не проходят сквозь них, как сквозь голограмму). Могли плыть под водой. Люди с такими глазами (Сектанты? Призраки? Зомби? Слепые котятка?) могли все что угодно.

Андрей как будто смотрел кино, снятое то ли ребенком, то ли бездарным оператором. Картинка то замирала на месте, то смазывалась. Дрожала, прыгала с места на место. Ноги. Небо. Лес. Река. Разноцветные поплавки в воде сверкали акцентами этой параноидальной киноленты.

Паника. Это называется паника. Хватит. Стой. Остановись. Никого же нет ни сзади, ни в лесу. И они не могут плыть под водой. Это чушь.

Но ноги все равно не слушались. От реки он свернул вправо, через лес, и скоро выбежал к оврагу с мертвыми овцами. И бежал бы дальше, если бы не дом.

Отсюда был виден дом, и он остановил Андрея. Никакого тумана. Никаких призраков. Дом был абсолютно реален. В него не нужно было пытаться поверить. И также абсолютно враждебен. Тут тоже не нужна была вера, это прекрасно ощущалось даже на расстоянии.

Заброшенная самодельная детская площадка. Пустая собачья будка, в которой не так давно жила собака. Трактор. Андрей вдруг вспомнил, где видел того человека у дамбы, который кормил грязью ребенка. На фото он был немного младше и намного опрятней: постриженный, с расчесанной и ровной бородой. Но это точно был он. Андрей вспомнил Зуриду, ее странную мать, призраков из телевизора и сбавил шаг.

Страх изменился. Страх погони стал отступать на задний план. На его место пришло ощущение кружения, удушья и безысходности. Похожее на то, что он чувствовал во время запоев: когда вроде тормозишь, но ситуация вышла из-под контроля, и ты продолжаешь двигаться накатом. Ощущение, как будто его затягивал на дно гигантский водоворот. Один из тех, которые он видел на той стороне дамбы в запруде. Как будто все здесь, на ферме, было специально подстроено, чтобы выманить его сюда и... И что? Убить? Нет. Точно, что нет. Убить было бы намного проще. На дне воронки его ждало что-то другое. Незнакомое. И намного худшее.

Дом стоял неподвижно и самоуверенно. *Я не буду бегать. Ты все равно подойдешь и войдешь. Независимо от того, что ты думаешь. И независимо от того, что ждет тебя внутри.*

Часть вторая

Панацея

Летом две тысячи семнадцатого года аул выглядел совсем не так, как год спустя, когда Андрей впервые его увидел. Чистые стекла домов сверкали на солнце, во дворах на веревках сохло цветастое белье. По обе стороны выровненной грейдером дороги росли аккуратно подрезанные деревья, трава вдоль всех без исключения заборов была ровно скошена, не было ни амброзии, ни лебеды – только клевер и мягкие, приятные для босой детской ноги, злаки.

Строящаяся в центре мечеть не выглядела уныло и заброшенно. Напротив, оставалось немного: вставить окна, покрасить стены, выложить плиткой пол, заасфальтировать подъезд – и храм был бы готов. Возможно, он был немного велик для такого небольшого населенного пункта, но его размеры свидетельствовали о том, как много могут сделать люди, когда действуют сообща. Искушенным туристам, мчащимся мимо, в Кисловодск, мечеть напоминала высоченную башню-храм в центре Рейкьявика, построенную триста лет назад, когда город был маленьким рыбацким поселком.

В ауле жило почти триста человек. Большая часть мужчин работала в СПК «Рассвет» в Советской, но были и те, кто трудился в городе. Женщины хлопотали по дому и присматривали за малышами. За школьниками дважды в день к остановке подъезжал желтый автобус с надписью «Губернатор – детям». На лавке под орехом около двора Хазрета после обеда часто собирались старики, они обсуждали политическую обстановку в республике и строительство мечети. Хазрет был уверен, что первый намаз в ее стенах случится раньше, чем похолодает.

Его жена, Зулейха, совсем не походила на человека, который не доживет до Нового года. Она готовила, стирала, следила за огородом и внуком. Маленького Джамбулата родители отправили на летние каникулы к бабке с дедом. «Смотри, какой джигит растет», – кивал за завтраком Хазрет жене, указывая за окно, где Джамбулат боролся в пыли с местными мальчишками. Вечером за шахматами он обязательно поговорит с внуком про смелость, справедливость, про Аллаха и его Пророка Магомеда, одним словом, про все то, что должен знать и понимать горец.

У Мурадина в доме было шумно, сытно и весело. Тоже ничего не предвещало скорого расставания с семьей. Дела на фазенде шли неплохо. По выходным он ездил в Советскую играть в покер и париться в сауне. Он все еще относительно неплохой человек. Да, немного воровства и немного жульничества – все это есть, но он не планировал зарабатывать на краденых машинах и похищать людей. И крови на его руках тоже не было.

Ферму, которую через год возьмет в аренду Андрей, было не узнать: в поле росла кукуруза, в загоне паслись овцы, кавказская овчарка сторожила дом. В доме жила молодая семья: хозяин, его жена и годовалый малыш. Два месяца назад у девушки умер отец. До этого соседи дважды видели, как мужчина по мосту переходил реку.

* * *

Кабинет был просторным и светлым. По потолку прыгал зайчик от фонендоскопа. Из кондиционера дул прохладный ветер, а в аквариуме около телевизора грациозно плавали две крупные лупоглазые рыбки. Врач-терапевт высшей категории, Анна Юрьевна Жаркова (так было указано на бейджике) молча рассматривала выехавшие из принтера листы и прикусывала нижнюю губу все сильнее и сильнее.

– Результаты ваших анализов можно считать пропуском в отделение интенсивной терапии, – наконец сказала она.

Она старалась говорить ровно, как автоответчик на телефоне, и явно скромничала. Насколько Зурида могла судить (а медучилище и два курса мединститута давали ей такое право), этот пропуск мог бы сработать и на входе в Чистилище, и на личное кладбище Анны Юрьевны Жарковой. Как любил повторять профессор Федоров с кафедры хирургии: «У каждого врача есть свое кладбище».

– Палки высоковатые. Лейкоциты – верхняя граница нормы. А гемоглобин вообще – хоть стой, хоть падай. Инфекций не обнаружено. Но мне кажется, лучше бы обнаружили. Вы уже были у токсиколога?

– Нет. У него все расписано до конца месяца.

– О, Господи. У вас не та ситуация, когда можно ждать. Ищите другого. Езжайте в Ставрополь. Нужно исключить это возможное совпадение. Если бы не собака, я бы сказала, что это отравление какой-то экзотикой: ртутью или стронцием. Алопеция и проблемы с зубами очень характерны для ртути и стронция. Когда, вы говорите, впервые почувствовали недомогание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.